
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ. 1744 год

Деятельность Сената в 1744 году. - Беспорядки в коллегиях и канцеляриях. - Недостаток в соли. - Дело о суконных фабриках. - Недостаток рабочих рук. - Разбои. - Усмирение крестьян. - Деятельность Синода: распоряжения о новокрещенах. - Раскол. - Хлыстовщина. - Уничтожение коллегии Экономии. - Воеводы и архиереи. - Исправление библии. - Вопрос о женитьбе великого князя-наследника. - Императрица останавливается на принцессе Ангальт-Цербстской. - Письма Брюммера к ее матери. - Участие Фридриха II в деле. - Приезд цербстских принцесс в Москву. - Отношение принцессы-матери к партиям. - Обручение. - Высылка Шетарди из России. - Поездка императрицы в Киев. - Внимание сосредоточивается на прусских отношениях.

16 января 1744 года Елисавета присутствовала в Сенате, а 21-го отправилась в Москву, где в продолжение года присутствовала еще три раза в Сенате. В этом году Сенату случилось решить собственное дело: донесли на служителя графа Головкина - Татаринова, что он в сердцах на одного из своих товарищей, толковавшего, что подаст прошение в Сенат, выбранил это учреждение неприличными словами. Сенат приказал высечь Татаринова кнутом нещадно в страх другим, подведя статью Уложения о бесчестии бояр, окольных и думных людей, нанесенном простыми людьми.

Немедленно по приезде в Москву генерал-прокурор уже начал жаловаться Сенату, что члены присутственных мест поздно являются на службу. Прокурор Мануфактур-коллегии донес, что присутствующие даже очень редко ездят, отчего в делах волокита, и колодники, которых набралось 32 человека, держатся без всякого решения; Сенат приказали: призвать всех членов коллегии в Сенат и учинить *реприманд*, а которые не придут под предлогом болезни, к тем послать сенатского экзекутора с доктором освидетельствовать. 3 августа генерал-прокурор объявил Сенату, что нынешнего числа по осмотру коллегий и канцелярий найдено огромное число членов, не явившихся в указанные часы; приказали: призвать их в Сенат, сказать реприманд и подтвердить, что если не станут съезжаться в указанные часы, то непременно будут штрафованы. Реприманды и угрозы не помогали; 20 сентября генерал-прокурор опять подал длинный лист неявившихся: велено им подать ответы, почему не явились; 9 октября Трубецкой заявил, что ни одного ответа еще не подано, а между тем накануне найдено опять большое число неявившихся, и в тот самый день, 9 октября, солдат, посланный в Юстиц-коллегию с требованием вноса одного дела, возвратясь, объявил, что в коллегии нет ни одного человека.

Узнаны были чрез прокуроров и другие беспорядки. В Коммерц-коллегии между президентом князем Юсуповым и вице-президентом Мелиссино происходили многие споры, вздоры и крики; Мелиссино подал доношение о великом нападении на него князя Юсупова и произношении ругательных слов. Новгородский прокурор донес, что в Новгороде счетов о сборе подушных денег не составлено и в указные места неотослано с 737 по 743 год, провиантских за многие годы, крепостных за 12 лет и в доимке находится с 730 по 743 год таможенных и кабацких 476884 рубля, канцелярских 13270 рублей, и хотя он губернской канцелярии многократно предлагал, только она объявляет, что по многим запущениям прежних губернаторов и приказных служителей им теперь за многими текущими делами счетов прежних годов исправить нельзя. Прокурор спрашивал, не приказано ль будет для составления и свидетельства запущенных счетов определить особое число приказных служителей и к ним особливую надежную персону? Сенат приказал определить такую персону.

В самом начале года Сенат и генерал-прокурор должны были обратить все свое внимание на большую беду для народа - недостаток в соли, потому что соль, шедшая из пермских Строгановских варниц, остановилась за мелководьем. 13 февраля тайный советник барон Строганов с братьями подал в Сенат доношение, чтоб правительство помогло им, ибо они потерпели убыток, именно: чтоб велено набрать 9500 рабочих, не упуская времени, а без такой помощи в поставке соли исправиться им невозможно, вольных рабочих людей с печатными паспортами достать нельзя. Стали торговаться; Строганов уступил, согласился, чтоб правительство дало ему 5000 рабочих, нарядив с обывателей за его жалованье, потом сбавил свое требование на 4500 рабочих. Сенат согласился и отправил для скорейшего доставления соли генерал-майора Юшкова. А между тем народ терпел недостаток в соли, увеличиваемый скупщиками из солдат, которые продирались первые к магазинам, оттесняя черный народ. Генерал-прокурор объявил Сенат, что в Москве из лавок казенную соль продают больше разночинцам, солдатам и скупщикам, а крестьянство и прочие подлые люди едва могут купить, некоторые же за теснотою никак не достанут; что он, генерал-прокурор, 9 февраля в одиннадцатом часу утра ездил к лавкам, но уже продажи соли не застал, нашел у лавок крестьян и прочей подлости многое число, которые ему объявили, что уже несколько дней не могут добиться купить соли. По предложению генерал-прокурора Сенат приказал: казенную соль в лавках продавать одному только крестьянству и прочим подлым людям целый день; солдатам из лавок не продавать, а по требованию Военной коллегии и прочих команд отпускать соляной конторе ежемесячно за деньги, чтоб солдаты под предлогом своей покупки другим и скупщикам лишнюю цену перепродавать не могли; также не продавать из лавок в знатные и прочие дома и разночинцам, чтоб крестьянству и прочим подлым в покупке соли остановки и задержания не было, а продавать им с соляного двора, а ежели целовальники продадут соль скупщикам, а скупщики будут ее перепродавать лишнюю цену, то как целовальников, так и скупщиков бить кнутом нещадно. По городам

отправлены были чиновники для открытия и преследования скупщиков. Наконец, поспешили привезти в Москву запасы соли из Петербурга.

Но хлопоты о соли этим не кончились. В мае барон Александр Строганов объявил, что ему с братьями к завару соли на 1745 год дрова свозить и прочих приготовлений делать нельзя за многотысячными убытками, к вознаграждению которых никакого обнадеживания не имеют; в феврале у поставки заморозной соли с Балахны до Ярославля принуждены были давать за провоз по 5 копеек с пуда, а им положено на всякие расходы по 3 1/2 копейки; также за провоз в нынешнем году соли до Москвы от Нижнего подрядчики явились и просили по 5 1/2 копеек с пуда, а теперь и сыскать их не могут, тогда как указная им цена с расходами положена по 5 копеек пуд; и они не только не могут делать приготовлений к завару 745 года, но не знают, чем окончить завар и нынешнего года; также не в состоянии отправить соль, уже пришедшую из Нижнего и верховые города, и просят, чтоб принято было решение о принятии их промыслов в казну, а в нынешнем году за передачу при поставке соли обнадежить милостивым награждением, без чего им в поставку вступить никак невозможно.

Строганов предложил вопрос, слишком трудный для решения. Сенат отмалчивался, и следствия оказались нехороши. В сентябре призваны были в Сенат тайный советник Александр да действительный камергер Сергей бароны Строгановы и выслушали объявление, что соль, отпущенная из Нижнего в Москву в мае и июне месяцах, не только вся ими не поставлена, но и та, которая уже пришла в ближние к Москве места, стоит целый месяц, а в Москву не привозили, отчего произошел недостаток в продаже народу.

Сенат приказывал, чтоб они в доставке соли в Москву приложили крайнее старание, в противном случае непременно будут штрафованы. Строгановы отвечали, что они от соляных промыслов несут великий убыток, и просили, чтоб сенаторы выслушали сделанную из прошения их выписку об увольнении их от содержания соляных промыслов. В ноябре Сенат объявил барону Александру Строганову, чтоб он готовил соль и поставил в 745 году до Нижнего и верховых городов. Строганов отвечал, что они подали челобитную императрице о снятии с них соляных заводов, а по определению Сената, сколько возможности есть, исполнение чинить должен, в случае же невозможности будет доносить, в чем и подписался.

Мы видели, что в прошлом году на доклад Сената о подрядах на кронштадтские работы не последовало высочайшей резолюции. Подряды были нововведением, ибо до сих пор для казенных построек прибегали к принудительной высылке рабочих из областей. И теперь, так как дело не состоялось, вздумали возобновить тот же старый обычай: генерал Любрас, заведовавший кронштадтскими работами, просил в апреле месяце Сенат, чтоб приказано было выслать 1033 человека каменщиков самых добрых, а не таких, какие были высланы в 1742 году, когда и половины добрых не

набралось. Но Сенат отвечал: наряда каменщиков из провинции за упущением времени и за наступившею рабочею порою сделать нельзя, и прежде из высланных явилось более половины неспособных, только последовало народное отягощение безо всякой пользы; нанимать помесячно добровольным договором.

Много хлопот было Сенату с поставкою сукон с русских фабрик в армию. Главный комиссариат донес, что московские суконные фабриканты подписались доставлять сукно по образцам, сделанным на фабрике Болотина, обязались поставить 178500 аршин; но когда поставили, то браковщики в годные отбраковали у Болотина из 1800-1509, у Серикова из 200-38, у Третьякова из 80-27, да и то, кроме фабрики Болотина, выбраковано с большой натяжкой. Но президент Мануфактур-коллегии объявил, что брак комиссариата ему сомнителен. Военная коллегия предлагала, что за такими спорами между комиссариатом и Мануфактур-коллегиею не лучше ли брак поручить одной Мануфактур-коллегии или суконные фабрики отдать в полное ведение Главного комиссариата. Сенат приказал: сукно свидетельствовать Главному комиссариату вместе с Мануфактур-коллегиею, а фабрикантов обязать делать по образцам и лучше; если же станут делать хуже, то будут наказаны не только уменьшением цен, но с них будет взыскан весь убыток, какой потерпит казна от выписывания иностранных сукон. Через несколько месяцев комиссариат опять жаловался на негодность сукон, кроме болотинских, тогда как плата производится всем равная, отчего Болотину немалая обида; справедливость требует цену прочим понизить, а Болотину повысить. Сенат приказал: купцам, торгующим сукнами в рядах, оценить, насколько представленные сукна ниже ценою образцов, по той цене и выдавать деньги, что будет служить вместо штрафа; а Болотину цены не прибавлять, ибо цена определена указом ее имп. в-ства, именно по 58 копеек за аршин. В конце года вопрос о поставке сукон опять возобновился, и Сенат приказал: принудить Болотина с товарищами ставить сукно на 745 год по образцам 743 года и по 58 копеек за аршин, потому что образцы сам Болотин на своей фабрике сделал; прочим же фабрикантам, которые по этим образцам ставить сукон не могут, ставить по новым образцам, сделанным на фабрике Серикова, и так как эти образцы ниже, то платить им только по 56 копеек за аршин. Болотину с товарищами выдать займы без процентов на поправление и усиление фабрики их 30000 рублей, разложив уплату на 10 лет при поставке сукон. Фабриканты упоминаются преимущественно московские, потому что Москва становилась фабричным городом по дешевизне содержания сравнительно с Петербургом. Так, московский купец Залесский снял у фабриканта Солодовникова две шелковые фабрики - одну в Петербурге, а другую в Москве - и просил перевести петербургскую в Москву, ибо по дороговизне в Петербурге содержать невозможно. Мануфактур-коллегия представила об этом Сенату, который отвечал, что позволение ясно само собою и беспокоить Сенат таким представлением не следовало.

Мы уже не раз должны были упоминать, что в промышленной деятельности, как в других отправлениях народной жизни, и в новой России главным препятствием служил недостаток рук; несмотря на сознание достоинства и выгоды вольнонаемного труда, он часто был невозможен. Московские суконные фабриканты - Болотин, Еремеев, Третьяков, Сериков - представили Мануфактур-коллегии, что им нельзя укомплектовать своих фабрик рабочими людьми: вольных набрать негде, продажных без земель и особенно малолетних купить негде, помещики своих людей или крестьян не продадут, кроме негодных; на фабриках же настает большая нужда в малолетних от 10 до 15 лет, которые должны быть в прядильщиках. То же самое объявляли шелковые и другие фабриканты, что главное препятствие для них - недостаток рабочих. На основании этих объявлений Мануфактур-коллегия представила Сенату, не соизволит ли он для удовлетворения русских фабрик разночинцев, которые будут являться при нынешней ревизии (церковничьих детей, незаконнорожденных, вольноотпущенных), отдавать всех без изъятия из платежа подушных денег на фабрики. Сенат не согласился, потому что по инструкции ревизии велено таких разночинцев приписывать по желанию их в посады и цехи, годных брать в солдаты, а если в посады, цехи и в службу не пожелают, то к помещикам и на фабрики.

Для честного труда рабочих рук не было; а между тем столько рук были заняты нечестным промыслом, против которого правительство не могло с успехом действовать опять по недостатку людей. Всякий раз, как оно обращалось к полиции с выговором, та отвечала, что не в состоянии охранять порядок по недостаточности Войска, находящегося в ее распоряжении. Но всего чаще заводчиками беспорядков, виновниками преступлений являлись люди из войска: сила, даваемая оружием, вела грубых людей к тому, чтоб пользоваться этой силой против безоружных сограждан. В Петербурге убит был малороссийский шляхтич Лещинский, живший в доме графа Чернышева, стоявшими в том доме на карауле солдатами. За Москвою-рекою солдаты ночью вломились в дом купца Петрова, жену его и племянницу били смертно, кололи шпагами и пожитки пограбили. Сенат признал, что при следствии полицеймейстерская канцелярия поступила слабо и неосмотрительно; она должна была, как скоро узнала о разбое, послать для следствия члена своего, а в полки гвардии и в Военную коллегия сообщить с требованием, чтоб у всех драгун и солдат осмотреть, не явится ли чего из покраденных пожитков и все ли в ту ночь были на квартирах неотлучно. 27 июля императрица, присутствуя в Сенате, объявила, что главная полиция слабое смотрение имеет; в Москве не только непотребства, но и многие воровства происходят, в домах обывательских, приходя, крадут; также умножилось нищих, которые работать могут и, под образом разных болезней притворяясь, милостыни просят; во многих местах рогаток нет и ходят по ночам без фонарей, а во время торжества о замирении с Швециею во многих домах не только иллюминаций, но и свеч в окнах не было. Но полицию оправдывали происшествия, подобные тому, какое случилось 8

сентября: в пятом часу пополудни за Яузою у Земляного вала начался кулачный бой, полицейская команда два раза его разгоняла, но гвардейские солдаты велели биться ученикам разных фабрик и прочим чинам, и когда прибыл патруличный разъезд и начал останавливать бой, то народ, схватив из огорода колья и камень, бросился на вахмистра патруличной команды и прибил его до полусмерти; зачинщиком драки был измайловский солдат.

Так было в столице, что же в областях?

В Дмитровском уезде, в сельце Семеновском, принадлежавшем майору Докторову, указаны были разбойники и смертоубийцы из его крестьян; для взятия их был отправлен офицер с командою; но они возвратились без успеха; привезли 14 человек своих солдат, больных от побоев, нанесенных Семеновскими крестьянами. Послан был другой офицер добрый с командою; ему было приказано: если крестьяне станут сопротивляться, то для страха палить пыжами и накрепко стараться, чтоб разбойники были взяты без кровопролития; если же и после этого будут сопротивляться, то поступать как с злодеями. Из Астрахани писали, что на три купеческие рыбные ватаги приезжали в двух лодках разбойники, больше 50 человек, и, ограбя ватаги, побрали большие морские лодки, также пушки, порох, говоря, что намерены ехать в море. В ветлужской вотчине графа Головкина селе Никольском, Баки то ж, убили приказчика, разграбили казенную палатку, все это днем и в вотчине, где считалось 1668 человек крестьян. В половине года Сенату дано было знать, что по большим дорогам и не в дальнем расстоянии от Москвы, особенно по владимирской дороге, разбои умножаются, разбивают не только проезжих, но нападают на деревни. Генерал-майор Шереметев объявил, что ночью пришли в Сокольскую его волость, в село Воскресенское, разбойники, двор его разбили, деньги взяли, приказчика били и жгли; в той же волости выжгли две деревни; атаману шайки прозвание Кнут. Обер-президент Главного магистрата князь Хованский объявил, что разбойники приходили многолюдством в суздальское его село Пестяково: церковь, его двор и крестьянские дворы выжгли, пять человек крестьян убили до смерти, четверо лежат при смерти. Вследствие этих заявлений Военная коллегия распорядилась: по Волге, от Твери до Астрахани, расставлены были в известных расстояниях войска, назначенные для преследования разбойников; с тою же целью расставлены были войска по Оке, от Калуги до Нижнего, также в Белгородской, Воронежской и Архангельской губерниях. Сенат приказал исследовать о прежних сыщиках, для чего они своею слабостью допустили таких злодеев к умножению их компаний, также почему губернаторы и воеводы не старались об их искоренении. Через месяц Сенат получил извещение, что по доносу известного уже ему сыщика Ивана Каина пойманы в Москве три разбойника и один атаман; разбойники объявили, что атаман Кнут, который прежде назывался Посулихин, со всею воровскою станицею, которая разбойничала около Нижнего, находятся на приплывших в Коломну купеческих судах. Немедленно отправлены были в этот город 50 драгун.

Войско должно было действовать и против возмущившихся крестьян. В селе Рогачеве и других селах и деревнях, принадлежавших Никольскому монастырю на Песноше, приписному к Троицко-Сергиевой лавре, крестьяне отказались повиноваться монастырскому начальству, посланного усмирить их капитана покололи, солдат прибили, и Сенат распорядился послать штаб-офицера *из русских*. Этому удалось усмирить крестьян, которые объявили, что причиною неповиновения был слух, будто крестьяне приписных монастырей объявлены свободными. В другом месте, в псковской Велейской вотчине графини Анны Бестужевой, крестьяне самовольно выбрали себе управителя Трофимова, а прежнего управителя, Залевского, выгнали. Усмирять их отправился из Пскова с командою подполковник Головин, который сначала послал небольшую команду, чтобы схватить *самозванного* управителя с сообщниками; но крестьяне вышли навстречу в числе 150 человек с ружьями, копьями и бердышами и начали стрелять в солдат; те, отстреливаясь, убили одного крестьянина, шестерых захватили, прочие разбежались. На другой день была отправлена новая команда, которая, подошед к крестьянской толпе, стала было уговаривать ее к сдаче; но крестьяне отвечали выстрелами и ранили одного солдата; солдаты, начавши стрелять, ранили девицу и поймали пять человек, в том числе мать Трофимова; прочие снова разбежались. Схваченные крестьяне объявили, что с ослушниками находится солдат Измайловского полка и производит многие злодейские поступки. На третий день крестьяне в числе 300 человек напали на команду, состоявшую из 126 человек, и убили одного солдата да ранили троих; солдаты начали палить, крестьяне побежали, и поймано их было 22 человека. После этого сопротивление прекратилось, крестьяне начали записываться, что приходят в покорение, и записалось их 731 человек. Управитель со старостою и целовальником сначала скрывались; потом Трофимов был пойман, но ушел из-под караула, скинув оковы, явился в Москву и лично подал просьбу императрице на Головина; Сенат отправил его в Сыскной приказ.

У Синода были свои борьбы.

13 апреля происходило общее заседание обоих правительствующих учреждений, Сената и Синода, по поводу просьбы казанских татар о позволении возобновить сломанные мечети. По справке оказалось, что в Казанской губернии было сломано из 536 мечетей 418, причем казанский архиерей объявил, что ему синодальным указом 1743 года запрещено допускать постройку новых мечетей и построенные после запретительных указов мечети везде велено разобрать. Из Астраханской губернии донесено, что ломать мечети опасно: магометане, старые подданные, могут разбрестись, а у других охота к выходу в Россию отнимется. Приказали: мечети сломать и вновь не строить в тех местах, где будут жить русские и новокрещены, чтоб им соблазна не было, а иноверцев из тех деревень перевести в другие, где одни магометане живут. Если все мечети сломать, то опасно, чтоб не дошел слух в те государства, где между магометанами живут люди греческого исповедания и построены св. церкви (не произошло

бы там церквам какого утеснения?), и потому велеть построить татарам в Казани в Татарской слободе две мечети; также повсюду строить мечети в тех деревнях, где одни татары, нет русских и новокрещен и где жителей от 200 до 300 человек; а если по этому расчету останутся лишние мечети, то сломать немедленно.

Для покровительства новокрещенам и побуждения иноверцев к принятию христианства отправлен был в Казанскую губернию советник Ярцев. Он донес, что новокрещены, терпят обиды от всяких людей: держат их у себя в работе и берут на них крепостные записи; а если кто из них пожелает освободиться, то хозяева на этих безгласных новокрещен, которые не только ябеднических дел, но и русского языка мало знают, подают в городах челобитные, и по происку хозяев воеводы поступают с новокрещенами немилостиво, держат подолгу в тюрьмах и принуждают к миру с хозяевами, т. е. принуждают опять давать на себя крепости; которых по настоянию Ярцева освободили, то без всякого награждения; у них же проезжие люди берут подводы без подорожных и без платежа прогонов, берут конские кормы и съестные припасы. Иноверцы страшно их обижают: принуждают платить вместе с собою подати, хотя новокрещены освобождены от этого платежа на три года; отдают в рекруты за некрещеных; клеветуют на них в канцеляриях, вследствие чего новокрещен забирают и держат долгое время под караулом, бьют до полусмерти; Ярцев подает об этом промемории, но воеводы не обращают на них никакого внимания. Сколько не хвалит Ярцев воевод, столько же превозносит нижегородского архиерея Димитрия, который, по его словам, в своей епархии в обращении иноверцев и в охранении новокрещен от обид неусыпное рачение имеет. Ярцев требовал для себя конвоя, потому что когда придет в иноверческую деревню с конвоем, то желающие креститься могут объявлять себя без страха, а без конвоя опасно и вызывать желающих принять христианство, ибо во многих местах некрещеные сопротивлялись указу и его, Ярцева, ругательски бранили и хотели бить, а команды его солдат и били; без конвоя иноверцы не слушаются и на определенные им к переселению места не переходят. Из иноверцев всего более противятся принятию христианства магометане. Во многих уездах некрещеные выбираются в сотники, старосты и выборные, начальствуют таким образом над новокрещенами и делают им несносные обиды, бьют немилостиво и собирают всякие подати. Сенат приказал: для такого богоугодного дела определить в Казанскую, Нижегородскую и Воронежскую губернии по одному офицеру, которым быть под начальством Ярцева; они должны смотреть, чтоб новокрещенам никаких обид и озлобления не было.

Другая забота - раскол. В Волоколамске поймано было двадцать человек крестьян, которые пробирались за польскую границу, на Ветку, подговоренные пушкарским сыном из Ржевы Володимеровой Ямщиковым, который за провожанье до Ветки подрядился взять с них по пяти рублей с семьи; он же научил их молиться по-раскольничьи. Движение, которое мы

видели в царствование Анны, не прекратилось, несмотря на строгие меры правительства. В Богословской пустыни, в 60 верстах от Москвы, у строителя, в особой пустой келье в саду, происходило сборище, на котором, между прочим, присутствовала княжна Дарья Федоровна Хованская. Все сидели по лавкам, мужчины по одну сторону, женщины - по другую, и пели стих: "Дай к нам, господи, дай к нам, Иисусе Христе, дай к нам, сыне божий, помилуй нас! Пресвятая богородица, упроси об нас сына своего и бога нашего, да тобою спасет души наши многгрешные на земле!" Во время пения купец Иван Дмитриев, вскоча с лавки, затрясся и вертелся кругом более часа и говорил присутствующим: "Верьте мне, что во мне действует дух св. и что я говорю не от своего ума, но чрез духа св.", и, подходя, кого знал, называл именем: "Бог помочи тебе, братец или сестрица; как ты живешь? Молись богу по ночам, а блуда не твори, на свадьбы и крестины не ходи, вина и пива не пей и, где песни поют, не слушай, где драки случатся, тут не стой". Кого именем назвать не умел, того называл: "Велмушка, велмушка! помолись за меня!" Отходя от них, говорил: "Прости, мой друг, не прогневал ли я в чем тебя?" Потом тот же Иван Дмитриев взял ломоть хлеба, изрезал в куски и, положи на тарелку вместе с солью и налив в стакан воды, раздавал присутствующим, приказывая есть на руке, прихлебывать с водою и прикладываться к стакану, творя крестное знамение. После этого все присутствующие, взяв друг друга за руки, вертелись вокруг, вспрыгивая, что у них называлось *корабль*; вертелись по солнцу, причем пели прежнюю молитву и бились обухами и ядрами, поставляя в этом сокрушение плоти; княжна Хованская, испугавшись этого битья, вышла с своими людьми вон и после не приходила, а прочие продолжали вертеться и биться во всю ночь и на рассвете разъехались. Строитель Дмитрий был схвачен и показал, что был научен штофной фабрики учеником Александром Голубцовым, когда еще был на искусе в московском Андреевском монастыре в 732 году. Голубцов свел его за Язу в сборище, состоявшее из 10 человек, где молились двуперстным крестом; Голубцов вертелся и говорил, что первое крещение им было водою, а второе духом и, кто вторым крещением не крестится, тот и в царство небесное не войдет. Строитель показал, что во время действия одни бились обухами, а другие резались ножами, вставленными в палки. Открылось, что и после разгрома еретиков, бывшего в царствование Анны, сборище продолжалось в Ивановском монастыре. Хотя еретики отвергали законный брак и находившимся в браке запрещали совокупляться (совокупление - грех, устави-де то напрасно Адам и Ева), однако учитель-сборщик Григорий Сапожник имел связь с согласницею Федосьею Яковлевою. На сборище, бывшем в доме Григорья Сапожникова, хозяин вертелся и говорил: "Молитесь богу, идет на вас гнев божий, взяты будете под караул, будете мучены и биты, нападут на вас архиереи и судьи, а вы их не вините и не кляните и потерпите, а потерпя, бог и всемилостивейшая государыня освободят". Федосья Яковлева показала: слышала она от согласных своих, что есть у нас в Ярославле, наш государь батюшка, крестьянин Степан Васильевич, который содержит небо и землю,

и мы его называем Христом, а жену его Афросинью Госпожою Богородицею; учителем Степана и жены его был крестьянин Астафий Ануфриев. Для помощи в борьбе с расколом Синод исходатайствовал у императрицы позволение издать две книги - "Розыск о раскольничей брынской вере" Димитрия Ростовского и "Возражения на ответы выгорецких раскольников Феофилакта Лопатинского.

В описываемом году Синод имел удовольствие получить следующий указ: коллегия Экономии отставить, и все доходы синодальных, архиерейских и монастырских вотчин отдать в ведомство и управление св. Синода по прежнему со всеми расходами, на что было положено и употреблялось из тех доходов при Петре Великом, исключая один только Заиконоспасский училищный монастырь, который содержан будет на особую сумму. Кончились столкновения с коллегиею Экономии, но продолжались столкновения с воеводами. Воеводский товарищ в Переяславле-Залесском князь Щепин-Ростовский бранил и мучил одного священника, который от этого заболел и умер. Сенат приказал накрепко исследовать и Щепина взять в Москву. Через несколько времени Синод представил в Сенат длинный список, присланный казанским епископом Лукою, - список побоям, которым подверглись духовные лица от светских, причем Синод жаловался, что губернаторы и воеводы продолжают привлекать к своему суду духовных людей. С другой стороны, вятский архиерей Варлаам дал пощечину воеводе Писареву. Воевода жаловался, что на него напали архиерейские служки и школьники с дубьем, но он их разогнал и двоих схватил; когда воевода допросил схваченных, то явился к нему в канцелярию сам архиерей, стал бранить скаречною бранью и, наконец, дал пощечину. Архиерей показывал, что у него на обеде 6 декабря был воевода и сын его, Измайловского полка подпоручик, приехавший в отпуск. Сын заставил певчих петь вечную память и, взяв кубок с пивом, говорил купцам: "Здравствуйте, господа каналы, хлыновское купечество!" Потом приходил к келье архиерейского казначея и хотел его бить плетьюми. 9 числа воеводский сын зашиб архиерейского секретаря до полусмерти, а на улице были схвачены целовальник и хлебник семинарские и взяты в воеводскую канцелярию для розыска; пьяный воевода с сыном велели уже и огонь в застенке разложить для пытки. Тогда архиерей поехал в воеводскую канцелярию, но на его увещание воевода отвечал неучтивыми словами, за что архиерей ударил его по ланите.

По приезде в Москву в феврале месяце Синод получил тяжелый для себя указ императрицы: "Понеже дело исправления библии, к печатанию оной вновь давно уже зачатое, и поныне не совершено, а нужда в том церковная и народная велика: того для сим нашим указом повелеваем, дабы св. Синода все члены в сию святую четыредесятницу в исправлении оной библии к печатанию оной вновь трудились от получения сего нашего указа каждый день поутру и пополудни, кроме недельных дней, чтоб, ежели возможно, оное исправление окончить к празднику св. Пасхи, а по окончании оное исправление библии объявить нам, но не печатать оную

вновь исправленную без нашего указа, токмо потребные к тому печатанию вещи готовить, а особливо бумага чтоб была употреблена на оное печатание, сделанная на российских фабриках советника Затрапезнова и асессора Гончарова и на других к тому делу годная. К сему ж делу повелеваем употребить и кроме членов синодальных духовного чина людей ученых. Для исправления текущих дел по синодальной должности, которых в пост меньше других времен бывает, отрядить, несколько из членов же синодальных, которые имеют о приключившихся иногда важных делах Синоду доносить и решение требовать". К празднику Пасхи исправление библии не было кончено, и в июле Амвросий Новгородский подал просьбу императрице уволить его от исправления библии по причине болезни, "потому что головою весьма немощен, а дело требует довольного рассуждения". Дело затянулось, как увидим, на несколько лет.

Елисавета не могла обратить большого внимания на это неисполнение своего указа, потому что была занята в это время важным семейным делом, которое по тогдашнему напряженному состоянию Европы не могло остаться свободным от политических интриг. Императрица, обеспокоенная сочувствием к Брауншвейгской фамилии, высказавшимся в деле Турчанинова и потом в деле Лопухина, хотела как можно скорее устроить брак наследники престола великого князя Петра Федоровича. Но легко понять, как важен был вопрос о выборе невесты и для своих, и для чужих. Брюммеру, Лестоку, Мардефельду, Шетарди нужно было, чтоб молодая великая княгиня, ее родственники и приближенные, которые с нею приедут в Россию, не пошли наперекор их влиянию и видам, чтоб не содействовали видам Бестужева. Выбор последнего уже пал на саксонскую принцессу Марианну, дочь польского короля Августа III, ибо этот брак вполне соответствовал его политической системе, союзу между морскими державами, Россией, Австрией и Саксонию для сдержания Франции и Пруссии. Как только в противном лагере узнали о намерении Бестужева относительно саксонской принцессы, так поспешили найти другую невесту: то была София-Августа-Фредерика, дочь принца Ангальт-Цербстского, находившегося в прусской службе, и Елисаветы Голштинской, сестры епископа Любского, избранного в наследники шведского престола.

10 декабря 1743 года Шетарди писал Амелоту: "Саксонский посланник Герсдорф не мог получить 25000 вспомогательного русского войска за английские субсидии благодаря Лестоку и Брюммеру. Герсдорф предлагал также брак между великим князем и дочерью польского короля. Брюммер и Лесток, проведав об этом, представили царице, что принцесса из сильного дома едва ли будет склонна к послушанию, надобно избрать такую, для которой бы брак был подлинным счастьем. Употребили и духовных лиц для внушения, что принцесса-католичка будет опаснее для православия, чем протестантка, и предложили принцессу Цербстскую. Лесток вчера вечером приходил ко мне сказать, что дело сделано и царица послала секретно 10000 рублей к принцессе Цербстской, чтоб поскорее

ехала сюда". Брюммер в письме к принцессе-матери от 17 декабря нового стиля писал следующее: "Надеюсь, ваша светлость вполне уверены, что с самого приезда моего в Россию я не перестаю трудиться для счастья и величия наияснейшего герцогского дома (голштинского). Успел ли я в этом или нет, пусть судят другие. Питая давнее глубокопочитание к особе вашей светлости и всегда желая уверить ее в моем уважении на деле более, чем пустыми словами, я думал дни и ночи, нельзя ли сделать что-нибудь блистательное в пользу вашей светлости и вашей знаменитой фамилии. Зная великодушие вашего сердца и благородство ваших чувств, я не колеблюсь ни минуты открыть вашей светлости дело, которое прошу содержать в глубочайшей тайне, по крайней мере на первое время. В продолжение двух лет, как я нахожусь при этом дворе, я имел часто случай говорить ее имп. величеству о вашей светлости и о ваших достоинствах. Я долго ходил около сосуда и употреблял разные каналы, чтоб довести дело до желанного конца. После долгих трудов наконец, думаю, я успел, нашел именно то, что пополнит и закрепит совершенное счастье герцогского дома. Теперь надобно, чтоб ваша светлость завершили дело, счастливо мною начатое. По приказанию ее имп. величества я должен вам внушить, чтоб ваша светлость в сопровождении старшей дочери немедленно приехали в Россию. Ваша светлость, конечно, поймете, почему ее величество так сильно желает видеть вас здесь как можно скорее, равно как и принцессу, вашу дочь, о которой рассказывается так много хорошего. Бывают случаи, когда глас народа есть именно глас божий. В то же время наша несравненная монархиня прямо приказала мне уведомить вашу светлость, чтоб принц, супруг ваш, ни под каким видом не приезжал вместе с вами. Чтоб ваша светлость не были ничем затруднены, чтоб вы могли сделать для себя и для принцессы, вашей дочери, несколько платьев, чтоб могли предпринять путешествие без потери времени, я имею честь присоединить к своему письму и вексель. Правда, сумма умеренна; но надобно сказать вашей светлости, что это сделано нарочно, чтоб выдача большой суммы не кидалась в глаза людям, наблюдающим за нашими действиями. Чтоб ваша светлость не нуждались в необходимом по приезде сюда в Петербург, я распорядился, чтоб купец, именов Людолфдом, выплатил вашей светлости две тысячи рублей в случае надобности. Я ручаюсь, что по счастливом прибытии к нам ваша светлость не будет ни в чем нуждаться".

Брюммер определял в письме, сколько людей должна была взять принцесса с собою: одну штатс-даму, две горничных, повара (мебель, необходимую в этой стране, по выражению Брюммера), одного офицера для распоряжений почтою и троих или четверых лакеев. Брюммер учил принцессу, как она должна объяснять причину своего отъезда в Россию: "Вашей светлости стоит только сказать, что долг и учтивость требуют от вас съездить в Россию как для того, чтоб поблагодарить императрицу за необыкновенную благосклонность, оказанную герцогскому дому, так и для того, чтоб видеть совершеннейшую из государынь и лично поручить себя ее милостям. Чтоб ваша светлость знали все обстоятельства, имеющие отношение к этому

делу, имею честь сообщить, что король прусский знает секрет; в воле вашей светлости говорить с ним об этом или не говорить; что же касается меня, то я почтительнейше советовал бы вашей светлости поговорить с королем, ибо в свое время и в своем месте вы почувствуете следствия, какие естественно от того проистекут. Г. Лесток, который, конечно, работал вместе со мною и который очень предан интересам герцогского дома, просил меня засвидетельствовать вашей светлости его глубочайшее уважение. Я должен отдать ему справедливость, что он относительно интересов вашей светлости вел себя как честный человек и ревностный слуга".

21 декабря Брюммер послал новое письмо, чтоб принцесса спешила как можно скорее, ковала бы железо, пока горячо. Навстречу путешественницам отправлен был камергер Нарышкин, вручивший в Риге принцессе-матери новое письмо от Брюммера, который писал: "Императрица ежедневно осведомляется, не имею ли я известий о вас, проехали ли вы Данциг, когда можете приехать в Москву; я отвечаю, что если бы ваша светлость имели крылья, то воспользовались бы ими, чтоб не терять ни минуты". Брюммер умолял принцессу принять его советы и при первом свидании с императрицею оказать ей чрезвычайное и более чем совершенное уважение (*une deference extraordinaire et plus que parfaite*), именно поцеловать у нее руку. Брюммер извещал также, что великий князь ничего не знает о приезде тетушки и сестрицы.

Жених ничего не знал о приезде невесты, а прусский король очень хорошо знал об этом и в конце декабря писал принцессе-матери, чтоб поскорее ехала в Россию, где для ее дочери готовится знаменитая судьба; хвалился, что мысль о браке между ее дочерью и наследником русского престола исходит от него; требовал сохранения величайшей тайны, так чтобы ни принц, ее муж, ни русский посланник в Берлине Чернышев ничего не знали об этом. Принцесса отвечала, что ставит себе законом повиноваться советам его величества; и только в одном случае не могла вполне им последовать - не могла скрыть цели своей поездки от мужа. Сам Фридрих так описывает свой взгляд на дело и свое участие в нем: "Из всех соседей Пруссии Русская империя заслуживает наибольшее внимание как соседка самая опасная: она сильна, она близка. Будущие правители Пруссии также должны будут искать дружбы этих варваров. Король употребил все средства для снискания дружбы России. Императрица Елисавета была намерена тогда женить великого князя, своего племянника, и хотя ее выбор не был еще решен, однако она всего более склонялась на сторону принцессы Ульрики, сестры короля (прусского); но саксонский двор желал выдать за великого князя принцессу Марианну, вторую дочь короля Августа. Ничего не могло быть противнее прусскому интересу, как позволить образоваться союзу между Россией и Саксонию, и ничего хуже, как пожертвовать принцессою королевской крови, чтоб оттеснить саксонку. Придумали другое средство. Из немецких принцесс, могших быть невестами, принцесса Цербстская более всех годилась для России и

соответствовала прусским интересам. Ее отец был фельдмаршалом королевской службы, ее мать - принцесса Голштинская, сестра наследника шведского престола и тетка великого князя русского. Мы не войдем в подробности переговоров: довольно знать, что надобно было употреблять такие усилия, как будто дело шло о величайшем интересе в мире. Сам отец невесты противился браку: будучи ревностным лютеранином, какие бывали в первые времена реформы, он не хотел позволить своей дочери сделаться шизматичкою и согласился только тогда, как один священник, отличавшийся большою терпимостью, доказал ему, что греческая религия почти то же самое, что лютеранская. В России Мардефельд умел так хорошо скрыть пружины, которые он приводил в действие, от канцлера Бестужева, что принцесса Цербстская приехала в Петербург к великому удивлению Европы и была принята в Москве императрицею с явными знаками удовольствия и дружбы".

В этом рассказе очевидны преувеличения, старание выставить свое участие в больших размерах, чем как оно было на самом деле. Странно предположить, чтоб первая мысль об этом браке принадлежала прусскому королю, а не Брюммеру при известной преданности последнего к "герцогскому дому". Брюммер мог сделать Мардефельда поверенным своей тайны; но Мардефельду нечего было тут делать: все пружины приводились в действие Брюммером и Лестоком, да и много пружин приводить в действие было не нужно: в Елисавете была жива нежная память о покойном женихе, ей приятно было родную племянницу этого жениха иметь женою своего родного племянника; чувство было удовлетворено и ум также, потому что действительно при тогдашних европейских делах всего выгоднее было избрать невесту для великого князя из незначительного дома, которого интересы не могли иметь влияния на политические соображения; брак заключали в своей семье. Тайну было сохранить легко, ибо дело шло между тремя, четырьмя лицами, одинаково заинтересованными в сохранении тайны. Что дело было вовсе не трудное, видно всего лучше из того, что Фридрих не умеет указать ни на одну трудность, кроме сопротивления отца невесты.

Как бы то ни было, 3 февраля 1744 года принцесса Цербстская с дочерью приехала в Петербург, а 9 февраля - в Москву. Исполняя советы Брюммера, принцесса поцеловала руку императрицы и сказала: "Повергаю к стопам вашего величества чувство глубочайшей признательности за благодеяния, оказанные моему дому". Елисавета отвечала: "Я сделала малость в сравнении с тем, что бы хотела сделать *для моей семьи*; моя кровь мне не дороже вашей". Завязался оживленный разговор, который императрица вдруг прервала и вышла в другую комнату; потом принцессе сказали, что Елисавета, найдя в ней необыкновенное сходство с братом ее, не могла удержаться от слез и вышла, чтоб скрыть их.

Легко понять, как приезд цербстских принцесс неприятно поразил Бестужева, который незадолго перед тем лишился своего товарища

Бреверна, умершего скоропостижно в январе. Принцесса-мать, естественно, обратилась к людям, в которых видела своих Друзей, покровителей, - к Брюммеру, Лестоку, Мардефельду, Шетарди, - а эти люди указали ей в Бестужева злого врага, которого она больше всего должна бояться. Таким образом, число врагов вице-канцлера увеличилось, и это увеличение произошло именно в то опасное для него время, когда враги употребляли все старания для его низвержения или по крайней мере ограничения его власти. В начале января Шетарди писал Амелоту: "Мы, Мардефельд, Брюммер, Лесток, генерал Румянцев, генерал-прокурор князь Трубецкой, их приверженцы и я согласились стараться произвести в канцлеры генерала Румянцева, который, будучи главным в коллегии, будет иметь силу сдерживать Бестужева. Если же это намерение не удастся, то надобно будет из Иностранной коллегии устроить совет или кабинет с таким числом членов, при котором вице-канцлер не мог бы всем завладеть".

Все эти движения против Бестужева происходили преимущественно в пользу Фридриха II, которому теперь было необходимо привлечь Россию в союз с собою или по крайней мере заставить ее быть нейтральной. Успехи Австрии в войне с императором Карлом VII и несостоятельность Франции, не могшей защитить своего союзника, возбуждали сильное беспокойство в Берлине, ибо если дать Австрии усилиться, то она не оставит Пруссию в покое, пока не отнимет у нее Силезии. Саксония в злобе на Пруссию и Францию за то, что они ее обманули, за то, что Пруссия, получив Силезию по Бреславскому миру, не помогла королю Августу получить никакой доли в добыче, - Саксония сблизилась с Австриею. Для того чтоб сдержать успехи Австрии и сохранить Силезию, Фридрих считал необходимым снова напасть на Марию Терезию под предлогом помощи, которую он обязан был подать императору. Но как взглянуть на этот предлог в России? Чтоб здесь взглянули на него благоприятно, для Фридриха необходимо было уничтожить партию людей, которые толковали об опасных замыслах прусского короля, а в числе этих людей был Бестужев. Фридрих писал Мардефельду: "Осторожность и благоразумие требуют непременно, чтоб я предупредил врага (Австрию), который хочет меня предупредить. Я не вижу безопасности ни для себя, ни для империи, если дела останутся в том же положении, в каком они теперь. Если я должен буду воевать с одною венгерскою королевою, то всегда выйду победителем. Но для этого необходимое условие (*conditio sine qua non*) - низвержение Бестужева. Я не могу ничего сделать без вашего искусства и без вашего счастья; от ваших стараний зависит судьба Пруссии и моего дома". В то же время Фридриху нужно было высвободить из-под влияния России Швецию, заменить здесь русское влияние прусским, чтоб в случае нужды употребить Швецию против России точно так же, как недавно употребила ее Франция. Для достижения этих целей в России и Швеции служили ему два брака: брак наследника русского престола на принцессе Цербстской и брак наследника шведского престола на его родной сестре Ульрике. Сам Фридрих говорит в своих мемуарах: "После того как императрица решилась выбрать

принцессу Цербтскую в невесты великому князю, не было уже большого труда заставить ее согласиться на брак прусской принцессы Ульрики с наследником шведского престола. На этих двух браках Пруссия основывала свою безопасность".

Но у Фридриха была еще забота относительно России. Зная личное нерасположение Елисаветы к Австрии и Саксонии, он не думал, чтоб она решилась оказать деятельную помощь Марии Терезии и королю Августу против Пруссии; следовательно, для Пруссии было важно, чтоб русский престол остался за Елисаветою и за ее племянником, женатым на преданной Пруссии принцессе Цербтской; отсюда старание Фридриха II отнять у Брауншвейгской фамилии возможность получить опять русский престол, ибо австрийские симпатии этой фамилии были хорошо известны. Еще в конце 1743 года, разговаривая с Чернышевым о деле Ботты, Фридрих поручил посланнику переслать императрице искренний совет "удалить находящуюся теперь в Лифляндии Брауншвейгскую фамилию в такие места, чтоб никто не мог узнать, куда она девалась, и таким образом в Европе позабыли бы об ней; сделать это легко, потому что ни одна держава за нее не вступится" Шетарди писал Амелоту в январе 1744 года: "Мардефельд получил от своего короля указ требовать у царицы секретной аудиенции, открыть ей о близкой опасности, которая ей угрожает, просить ради бога подумать об ее отвращении, домогаться удаления Бестужевых и представить необходимость возвратить принца Антона Брауншвейгского в Германию, а жену и детей его разослать в разные места России, так чтобы ни одна живая душа не знала об их отъезде и куда они отправлены; иначе если принц Иван и его семейство останутся жить подле Риги, то Англия, Дания, венский двор и Саксония не замедлят исполнить свое намерение, на котором они основывают лучшие свои надежды. Такой совет царица могла получить только от отца родного, ибо если она поступает несправедливо и употребляет во зло свою власть, задерживая вольного принца (Антон Брауншвейгского), то здравая политика давно требует поступить именно так в рассуждении жены его и детей, число которых увеличилось рождением другого принца, как мне царица сказала по секрету. По моему мнению, совет короля прусского искренен, принимая в соображение страх его пред Россиею: он знает слабость царицы и уверен, что в ее царствование русские будут иметь предпочтение". Отеческий совет был исполнен: Брауншвейгская фамилия переведена в Раненбург. В то же время Шетарди внушал своему правительству, что не надобно жалеть денег на подкупы, что кроме Лестока, которому он увеличил подарок, назначенный королем, на 2000 рублей, кроме двух дам надобно подкупить духовника императрицы и членов Синода по их влиянию на суеверную Елисавету.

В то время как Брюммер и Шетарди с компаниею так усердно подкапывались под Бестужева в надежде на помощь, которую им окажет принцесса Цербтская, вдруг в половине марта они были поражены страшным беспокойством: молодая принцесса опасно занемогла. О причинах болезни и ходе ее пусть расскажет она сама, потому что в этом

рассказе мы впервые можем познакомиться с будущей Екатериною *Великой* (Catherine le Grand), в четырнадцатилетней девочке можем увидеть проблески той сильной воли и ясного понимания своего положения, которыми впоследствии отличалась знаменитая императрица. "В десятый день после моего приезда в Москву императрица уехала в Троицкий монастырь. Мне уже дали троих учителей: Симона Теодорского для наставления в греческой религии, Василья Ададунова - в русском языке и Лоде для обучения танцам. Чтоб скорее успеть в русском языке, я вставала ночью, и, когда все спали мертвым сном, я заучивала тетрадки, оставленные мне Ададуновым. Так как в комнате было тепло и я не имела никакой опытности насчет климата, то я занималась, как была в постеле, босиком. И вот на пятнадцатый день я схватила болезнь, от которой чуть было не отправилась на тот свет. В то время как я одевалась, чтоб идти с матерью обедать к великому князю, стало меня знобить. С трудом упростила я мать позволить мне лечь в постель. Когда она возвратилась с обеда, то нашла меня почти без чувств, в страшном жару и с нестерпимою болью в боку. Она вообразила, что у меня оспа, послала за лекарями и хотела, чтоб они лечили меня от оспы. Лекари утверждали, что надобно мне пустить кровь. Она не хотела об этом слышать, говоря, что брата ее уморили в России кровопусканием, тогда как у него была оспа, а она не хочет, чтоб и со мною то же случилось. Мать и лекари спорили, я лежала без чувств, в жару, стоная от страшной боли в боку, а мать бранила меня, зачем я так нетерпелива. Наконец на пятый день моей болезни приезжает императрица от Троицы, прямо из кареты в мою комнату и застаёт меня без чувств; с нею был Лесток и еще другой лекарь. Выслушав их мнения, она велела пустить мне кровь. Как только кровь пошла, я очнулась и, открыв глаза, увидела, что императрица держит меня в своих объятиях. 27 дней я была между жизнью и смертью; наконец нарыв в правом боку прорвался, и я стала выздоравливать. Я тотчас заметила, что поведение матери во время моей болезни произвело на всех очень дурное впечатление. Увидавши, что мне дурно, она хотела послать за лютеранским пастором; когда мне об этом сказали, я отвечала: "Это зачем? Позовите лучше Симона Теодорского, я охотно буду с ним говорить". Призвали его, и он говорил со мною в присутствии всех, и все были очень довольны нашим разговором. Это очень расположило ко мне императрицу и весь двор. Императрица часто плакала обо мне".

По словам Шетарди, люди, неохотно смотревшие на брак великого князя с принцессою Цербстскою и желавшие видеть невестою наследника принцессу Саксонскую, имели неосторожность обнаружить свою радость во время болезни молодой принцессы Цербстской. Это сильно рассердило Елисавету, и она сказала Брюммеру и Лестоку, что приверженцы саксонского брака ничего не выиграют и если б она имела несчастье потерять такое дорогое дитя, то все же саксонской принцессы никогда не возьмет. Брюммер на случай несчастья имел в виду другую невесту для великого князя, принцессу Дармштадтскую на которую также указывал Фридрих II, на случай если Цербстская принцесса не поправится.

Молодая принцесса Цербстская выздоравливала, и подкопы под Бестужева продолжали вестись всеми способами. Император Карл VII возвел Разумовского, Брюммера и Лестока в графы Священной Римской империи; прусский король обласкал и одарил молодого брата Разумовского, Кирилла Григорьевича, который воспитывался в Берлине. Но гораздо важнее было привлечь на свою сторону человека более влиятельного, чем Разумовский, - Воронцова. Шетарди представил Брюммеру, Лестоку и Мардефельду что в настоящее время Воронцов пользуется полною доверенностью императрицы и поэтому не надобно упускать ни минуты для привлечения его на свою сторону, иначе Бестужев возьмет верх. Пусть Лесток, оставя личные отношения, объявит Воронцову, что он постоянно питал к нему дружеское расположение, но не мог иметь к нему доверенности, видя его преданным Бестужеву, злему врагу императрицы и голштинского дома. Таким заявлением легче будет открыть глаза Воронцову насчет вице-канцлера, а потом возбудить его честолюбие, указавши на возможность для него быть великим канцлером и употребить его орудием для низвержения Бестужева. Лесток и Брюммер объявили, что они с своей стороны готовы действовать в этом смысле, а Мардефельд, не теряя времени, отправился к Воронцову закидывать свои сети. "Я приехал к вам, - начал он говорить Воронцову, - чтоб открыть тайну моего сердца. Я не могу без сердечной боли выносить того положения дел, в котором находится Россия, и единственный способ помочь беде - это ваше вступление в министерство. Искренность ваших намерений и доброта вашего сердца будут вас руководить лучше и надежнее всякого знания и опытности в делах, и потому императрица найдет в вас помощь, которая отвратит приготовляемые ей опасности. Она нашла бы сильную помощь и в дружбе короля моего государя, но теперь нас стараются ссорить. Вице-канцлер явно объявил себя против нас, и я вам объявляю, что и я его более жалеть не буду. Объявляю вам, что, пока он один управляет иностранными делами, мой двор не будет иметь никакого доверия ко всему тому, что бы императрица ни делала и мне ни говорила". "Из этого выходит, - заметил Воронцов, - что его надобно отправить к какому-нибудь иностранному двору или определить больше членов в совет иностранных дел, а если я один с ним буду, то он и меня погубит, когда он такой человек, каким вы его мне описываете".

"Первый путь самый разумный, - отвечал Мардефельд, - но и во втором случае, кого бы вы ни определили, они всегда будут зависеть от вас, потому что вы пользуетесь доверием императрицы; сначала они помогут вам своею опытностью, а потом вы и без них можете обойтись. По своей дружбе к вам я обязан и то вам заметить, что вы должны упрочивать свое счастье; но может ли оно быть прочно в том случае, когда принцесса Анна опять вступит на престол, что легко может случиться при настоящем ходе дел. Может ли ваше счастье почитаться твердым и тогда, когда преемником императрицы будет великий князь? Поверьте, он вам не простит того, что вы были в тесной дружбе с неприятелем его дома; не верите мне - спросите великого князя самого. Таким образом, вы можете

утвердить счастье свое и своих детей только старанием об утверждении престола императрицы и порядка престолонаследия, установленного ею в России и Швеции. Король мой государь уже почтил вас орденом Черного Орла, прислал вам портрет свой, украшенный алмазами; будьте уверены, что он этим не ограничится". Чтоб Воронцов мог увериться в истине слов Мардефельда, великому князю было внушено сказать Воронцову, что Бестужев - враг голштинского дома и что об этом сказала ему сама императрица.

Но Бестужев, стоявший, по-видимому, одиноко пред своими врагами, имел в руках могущественное средство защиты: все эти депеши Шетарди были перехвачены, цифирь разобрана с помощью академика Гольдбаха, и вице-канцлер имел возможность поднести императрице при докладе все эти любопытные вещи с своими замечаниями и оправданиями. Так, против того места, где Шетарди писал, что он и приятели его надеются на помощь принцессы Цербстской, Бестужев заметил: "Неслыханное гонение и старание к невинному погублению вице-канцлера, так что французским двором король прусский побужден министра своего Мардефельда инструктировать обще с маркизом Шетардием стараться его, оклеветав, погубить, и как они безбожно поступают, что уже и чистою душою мутят, принцессу Цербстскую к тому же склонить, и когда на такое безбожество поступили, то, без сомнения, вероятно, что и его императорского высочества государя великого князя против его, вице-канцлера, толь наипаче преогорчили, и, в таком будучи грустном и печальном состоянии, только утешение на правосудие ее имп. величества, что всещедрым своим покровом не допустит его, вице-канцлера, невинным быть сакрифисом (жертвою)".

Шетарди писал, что Бестужев в ярости от приезда принцессы Цербстской и до того забылся, что сказал: "Посмотрим, могут ли такие брачные союзы заключаться без совета с нами, большими господами этого государства". Шетарди писал также, что Бестужев склонил на свою сторону московского архиерея, который стал представлять императрице незаконность брака великого князя на принцессе Цербстской по причине родства и указывать на другую невесту, принцессу Саксонскую. На это Бестужев заметил: "Какого зла в свете и вымыслить не можно, такое маркиз Шетардий с своими сообщниками Лестоком и Брюммером умышленно вице-канцлеру приписует. Сие их богомерзкое и вымышленное оклеветание удостоверительно доказать можно, когда ее имп. величеству высочайше угодно будет московского архиепископа или всякую иную духовного чина особу под клятвою спросить, учинено ли было ему или кому иному какое-либо ни есть от вице-канцлера о супружестве с принцессою Цербстскою внушение, или хотя по меньшей мере имел ли вице-канцлер с кем-нибудь из них какие партикулярные разговоры, наименьше же какие о сем соглашения".

В одной из своих депеш Шетарди выразился, что Бестужев и его партия показывают такую же ярость и против берлинского двора, какую против Франции. На это Бестужев заметил: "Правда, что вице-канцлер не больше верит прусскому, яко французскому двору, да оный же и опаснее французского по близости соседства и великой его умножаемой силе; однакоже вице-канцлер ни против одного, ни против другого, хотя они обще его и погубить стараются, ни малейшей ярости не показывал, но токмо во всем присяжную свою должность исполнял". По поводу допроса лифляндца Штакельберга, который в Кенигсберге в гостинице дурно отзывался о России и предсказывал ей новую революцию, Шетарди писал, что кроме Ушакова они надеются назначить для допроса еще генерал-прокурора князя Трубецкого. Бестужев замечает: "По обыкновенной двора своего системе, яко иностранный министр, не токмо прибирая себе партии, во все внутренние дела мешается, но уже и до того приводит, чтоб и по делам Тайной канцелярии вмешиваться: предается ее имп. величеству во всевысочайшее рассуждение, что наконец из того воспоследовать может?"

Шетарди хвалился, что он написал проект ответа, какой должен быть послан генералу Кейту в Швецию по тамошним делам, что пред собранием совета по иностранным делам он совещался с своими приятелями, как бы провести свой план, и план был действительно проведен с некоторыми прибавлениями. Бестужев замечает: "Что иностранный министр российско-императорскому генералу, а ныне яко и министру, ответ (чем указ разумеется) сам проектировал и сочинял, толь весьма непонятно, что о тех следствиях, которые из того воспоследовать могут, ум и разум их восходит рефлексию учинить. О таком в свете неслыханном деле, чтоб от иностранного министра наставление принимать, как по его видам в советах поступать, еще примеру нет; а чему такие персоны, которые тайности открывают, достойны и какого впредь от такого собранного совету ее имп. величеству и государству пользы ожидать можно, во всевысочайшее рассуждение подвергается. Неслыханное в свете дело, чтоб в совете по проекту иностранного министра оканчивалось и все, что в оном прибавлено или происходило, ему точно известно. Генерал Кейт в сумнении будет, по каким указам ему исполнять: по отправленным ли из коллегии Иностранных дел или, как по Шетардиеву составлению, о сентиментах ее имп. величества ему знать дается". Шетарди писал, что Елисавета будет поступать вопреки собственным интересам, если не расстанется со своим вице-канцлером, который признает спасение России только в союзе с морскими державами, королевою венгерскою, королем Августом и их приверженцами, и без всякого зазрения объявил себя против Франции, короля прусского и против всего того, что держится французского и берлинского двора. На это Бестужев заметил в оправдание своей политики: "Древняя российская и толь паче государя Петра Великого система".

Но самое сильное оружие для себя Бестужев нашел в тех местах депеш, где Шетарди делает выходки против самой императрицы, будучи раздосадован

тем, что Елисавета, обращаясь с ним как нельзя лучше, однако, не входит в его планы и не жертвует своим вице-канцлером в угоду франко-прусской партии. Шетарди жалуется постоянно на слабость Елисаветы, на ее лень, отвращение к делам; она, по его словам, принимает мнения своих министров только для того, чтоб избавиться от труда думать; доброта ее - доброта, дурно понимаемая и основанная всегда на слепой доверенности к другим. Елисавета имеет в виду одни удовольствия и желает мира для того, чтоб беспрепятственно им предаться и тратить на них деньги, поглощаемые войной. Любовь, чистый пустяк какой-нибудь, наслаждение переменять четыре или пять раз в день туалет, удовольствие видеть себя внутри дворца окруженною лакейством есть ее главное желание. Всякий человек выше тех, которые ее окружают ежедневно, уже ее беспокоит; мысль о малейшем занятии ее пугает и сердит. Лень и страх найти в новых министрах методу, не столько благоприятную для ее распушенности, заставляют ее удерживать при себе вице-канцлера и т.п. Все эти места из депеш были представлены Елисавете.

В мае императрица отправилась в другой раз к Троице, взявши с собою великого князя, обеих принцесс Цербстских, Лестока и Воронцова. Молодая принцесса заметила, что с некоторого времени императрица холодно обращается с ее матерью. Однажды у Троицы после обеда, когда великий князь пришел в комнаты принцесс, императрица также вошла к ним и вызвала принцессу-мать в другую комнату, куда за ними пошел и Лесток. Великий князь и молодая принцесса уселись на окно дожидаться возвращения старших. Ждали очень долго; наконец является Лесток, подходит к великому князю и принцессе, которые чему-то смеялись, и говорит: "Ваше веселье сейчас прекратится". Потом, обратившись к принцессе, сказал: "Укладывайте ваши вещи, вы немедленно отправитесь восвояси". "Отчего это?" - спросил великий князь. "Узнаете после", - отвечал Лесток и вышел. Потом вошла императрица с рассерженным лицом, вся красная; за нею шла принцесса с красными заплаканными глазами. Когда при их входе великий князь и молодая принцесса спешили слезть с высокого окна, императрица рассмеялась, поцеловала их обоих и ушла.

В связи с этой сценой была другая. 6 июня рано утром, в половине шестого часа, на квартиру маркиза Шетарди явились генерал Ушаков, князь Петр Голицын, двое чиновников Иностранной коллегии - Веселовский и Неплюев - и секретарь коллегии Курбатов. Шетарди вышел к ним в парике и полушляфроке, и Ушаков объявил ему, что прислан по указу ее имп. величества для некоторого объявления. Это объявление было прочитано Курбатовым и заключалось в том, что Шетарди предписывалось выехать из Москвы в 24 часа. Шетарди потребовал доказательств, на которых основано объявление, и Курбатов прочел ему все экстракты из его писем, где он говорил о необходимости подкупать светские и духовные лица и дурно отзывался об императрице. Выслушавши экстракты, Шетарди сказал, что ему остается только исполнить волю ее величества, и *хотя он*

сожалеет о принятой ее величеством об нем резолюции, но когда она принята, то он с благодарением чувствует ту милость, с каковою ее величество ему соизволение свое объявить повелеть соизволила". "При происшествии всего вышечисанного, - говорится в рапорте Ушакова, - явно было, что он, Шетардий, сколь скоро генерала Ушакова увидел, то он в лице переменился. При прочтении экстракта столь конфузен был, что ни слова во оправдание свое сказать или что-либо прекословить мог. На оригиналы только взглянул и, увидя свою руку, ниже больше смотреть не хотел, будучи при всем том весьма смутен, и образ лица его, також и неокончаемые речи, и дрожащий голос, показуя его вину и робость, чтоб иногда больше с ним учинено не было, как то последние его, Шетардия, подчеркнутые слова сказуют. Яко же и видно было, что тяжчайшего с ним поступка по вине своей ожидал".

Бестужев в восторге писал Воронцову к Троице, посылая ему копию с ушаковского рапорта: "Из приложенной при сем копии ваше превосходительство усмотреть изволите благополучное окончание комиссии Андрея Ивановича Ушакова, чем имея честь поздравить, поистине доношу, что такой в Шетардии конфузии и торопости никогда не ожидали. Конфузия его была велика; не опомнился, ни сесть попотчивал, ниже что малейшее в оправдание свое принести; стоял, потупя нос, и во все время сопел, жалуясь не малым кашлем, которым и подлинно неможет! По всему видно, что он никогда не чаял, дабы столько противу его доказательств было собрано, и когда оные услышал, то еще больше присмирел, и Оригиналы когда показаны, то своею рукою закрыл и отвернулся, глядеть не хотел".

После Бестужева больше всех должен был обрадоваться английский посланник лорд Тироули, сменивший Вейча; он писал лорду Картерету: "Я не имел покойной минуты, пока шло дело Шетарди, потому что поставлен был вопрос: кому победить - Англии или Франции? Когда мы открыли императрице его поступки и представили его не только опасным, но и с самой смешной стороны, то это очень скоро на нее подействовало. Цербстская принцесса, которую я прозвал *королевой-матерью* (это прозвище вице-канцлеру так понравилось, что он ее иначе не называл), кажется, предвидела падение Шетарди: говорят, что она за несколько дней перед тем плакала. Падение Шетарди уже было решено до поездки Елисаветы к Троице, а во время поездки поддерживал ее в этом намерении Воронцов. Теперь надобно смотреть, как подействует это происшествие на тех, с которыми он жил в тесной дружбе, - на Брюммера, Лестока, Трубецкого и Румянцева с женою".

Чрез десять дней он писал: "Главная цель наша теперь - продолжать подрыв, причиненный французским интересам высылкою Щетарди, и низложить окончательно французскую партию, особенно Лестока и Брюммера; надеюсь, что мы в том успеем, но на это нужно несколько времени. 16 числа (июня) я был у вице-канцлера, и он мне сказал, что сию

минуту отправил курьера в Берлин и Стокгольм с указами его брату и посланнику в Швеции Любрасу не вступать более в переговоры о четверном союзе между Россией, Пруссией, Швецией и Францией, равно и о другом союзе, который предложен Мардефельдом, - о тройном союзе между Россией, Пруссией и Швецией, к которому должна была приступить и Франция; что цербстская принцесса после отъезда Шетарди убеждала императрицу заключить этот последний союз; но Елисавета заставила ее молчать, сказав, что ей вовсе не пристало вмешиваться не в свои дела, что на то есть министры, которые докладывают ей, императрице, о сношениях с другими державами. Я было хотел, - продолжает Тироули, - сбересть королю пенсию, которую Лесток так мало заслуживает, и говорил о том с вице-канцлером, но тот советовал для скртия подлинных моих о нем мнений продолжать выдавать пенсию". Потом, впрочем, Бестужев переменял мнение, опасаясь, чтоб Лесток не отказался от пенсии и не стал этим хвастать, тем более что Фридрих II распустил слух, будто Тироули привез в Москву 600000 червонных.

Принцессе Цербстской сделано было внушение не смешиваться не в свои дела; но Лесток напрасно напугал молодую принцессу, объявив ей, чтоб она укладывала свои вещи для возвращения на родину: императрица нисколько не изменила относительно ее своих намерений. К концу июня архимандрит Теодорский должен был окончить свои наставления в вере. Принцесса Цербстская, мать, писала своему мужу в апреле: "Я подлинно могу засвидетельствовать, что их (т. е. православное) учение, кроме некоторых наружных церемоний, совершенно с нашим сходно, поклонение святым у них не приемлется, добрые же дела принимаются за знак веры". Принцесса-дочь писала отцу в мае: "Так как я не нахожу почти никакого различия между религиею греческою и лютеранскою, то я решилась переменить исповедание". 28 июня было совершено миропомазание принцессы, названной Екатериною Алексеевною. В "Петербургских ведомостях" помещено было такое известие из Москвы по этому случаю: "Ее высококняжеская светлость принцесса Ангальт-Цербстская, будучи по сие время ежедневно наставляема от некоторого архимандрита в православном исповедании греческие веры, сего дня пред полуднем в здешней придворной церкви, в высочайшем присутствии ее имп. величества и его имп. высочества государя великого князя, при собрании всего духовенства, генералитета и знатнейших придворных персон приняла публично исповедание православного греческого закона; после чего от преосвященного архиепископа Новгородского св. миром помазана и именована Екатерина Алексеевна. По совершении сей церемонии ее имп. величество пожаловала светлейшей принцессе аграф и складень бриллиантовый ценою в несколько сот тысяч рублей. Впрочем, невозможно описать, коликое с благочинием соединенное усердие сия достойнейшая принцесса при помянутом торжественном действии оказывала, так что ее имп. величество сама и большая часть бывших при том знатных особ от радости не могли слез удержать".

На другой день, 29 июня, в день именин великого князя, последовало обручение его с Екатериною Алексеевною, которая получила титул великой княжны. По этому случаю мать ее писала: "Ее имп. величество имела намерение посадить меня за обед вместе с собою и молодою четвою под балдахином; но отъявленный враг, которого мы имеем в ее совете и для которого весь этот день был невыносим (Бестужев), или будучи столь глупым и вообразив, что я буду сопротивляться и этим сопротивлением навлеку негодование императрицы, или желая нанести удар моему тщеславию, привел в действие столько пружин, что посланники заявили претензию обедать вместе с императрицею под балдахином в шляпах, если я буду там обедать, ибо они могут уступить место только великому князю и его невесте, а что касается до меня, то они должны идти впереди". Вследствие этого принцесса обедала одна на хорах.

26 июля великий князь с невестою и ее матерью отправились в Киев, а на другой день отправилась туда же сама императрица и возвратилась в Москву 1 октября. В этом путешествии ее сопровождал новопожалованный вице-канцлер и новопожалованный граф Священной Римской империи Воронцов, а Бестужев, пожалованный в канцлеры, оставался в Москве. Доходы Бестужева были недостаточны для поддержания с честью его нового достоинства, и потому он обратился к императрице с просьбою пожаловать ему земли в Лифляндии, приносящие 3642 ефимка годового дохода. По этому случаю он писал Воронцову, что если императрица не исполнит его просьбы, то он принужден будет "в старую деревянную конуру влезть, держать там по-прежнему с иностранными министрами конференции, да и при случае императорским столом их трактовать".

Но гораздо важнее для нас переписка его с Воронцовым по поводу дел иностранных.

Легко понять, какое впечатление должна была произвести на французский двор высылка Шетарди. В Париже в это время уже не было более Кантемира: он умер 31 марта, оставив дела в ведении секретаря Гросса.

30 июня Гросс объявил управлявшему иностранными делами С. Флорантэну, что Шетарди покусился не только подкупать светские и духовные лица, но осмелился даже бесстрашным и дерзостным образом описывать ее императорское величество и поносить, что дало императрице право поступить с ним как с простым провинившимся иностранцем. При этом императрица надеется, что король не только не одобрит поступка Шетарди, но признает умеренность и снисхождение ее величества в том, что она не захотела воспользоваться положением Шетарди как человека, не имевшего никакого дипломатического характера, и потому будет продолжать дружбу с Россиею; императрица же с своей стороны готова отвечать тем же, готова во всяком случае оказывать его величеству внимание и особенное почтение: С. Флорантэн, перебивая несколько раз речь Гросса, отвечал, что Шетарди до сих пор считался человеком

благоразумным, значит, неприятели его наконец успели одержать победу. Гросс заметил, что императрица поступила так с Шетарди не по чьей-либо клевете, но на основании оригинальных его писем, и сам он в оправдание свое ничего привести не мог; когда ему сделано было объявление о решении императрицы, то он изменился в лице, пришел в величайшее смущение, считая себя счастливым, что с ним так великодушно поступили. С. Флорантэн возразил, что перемена в лице не всегда знак виновности: она может произойти от удивления; что с Шетарди поступили изменническим образом, взявши у него ключ к цифрам. Гросс отвечал на это, что ключа не брали, но нашелся способ иметь его.

Но в России перестали теперь обращать главное внимание на Францию. Бестужев объявлял прямо, что Пруссия опаснее Франции "по близости соседства и великой умножаемой силе".

Мы знаем, что в Берлине в это время находился в качестве чрезвычайного посланника брат канцлера граф Михайла Петрович Бестужев-Рюмин; он так доносил (от 28 июня) о впечатлении, какое произвела в Берлине высылка Шетарди: "Когда я графу Подевильсу о сем деле пристойное объявление учинил, а он письменную декларацию читал, то по лицу и разговорам его признать можно было, что сия ведомость его потревожила и ему весьма чувствительна была, ибо он мне притом такие вопросы чинил, которые, как мне кажется, тогда и гораздо неприличны были, а именно: подлинно ли маркиз де ла Шетарди выехал, не оставил ли он по себе какого секретаря и будет ли путь свой продолжать через Берлин? На это я ему отвечивал, что оному из вашего императорского величества имперума действительно выехать велено, а чтоб по нем остался какой секретарь, мне о том неизвестно; неизвестно также и то, чрез какие места он поедет, потому что в этом его воля. Потом за обедом у саксонского министра Бюлау Подевильс никак не мог себя принудить, чтоб скрыть, как прискорбно ему было известие о высылке Шетарди, так что сидевшие за столом могли это приметить. Второй государственный министр, фон Борк, принял известие спокойнее и сказал, что французы так уже привыкли: кто даст им один палец, то они непременно захотят взять и всю руку. Впрочем, вашего императорского величества великодушие и умеренность в отношении к Шетарди, виновному в таких предерзостных и важных преступлениях, здесь все довольно выхвалять не могут и признают, что оказанная в сем деле особливая твердость и мудрый поступок к бессмертной славе и к наивысшему прославлению вашего императорского величества и особенно к наибольшему респекту и консидерации при всех европейских дворах служить могут. Что прусский двор в интригах Шетарди имел немалое участие, тому доказательством быть может следующее: 1) я уведомлен, что король был очень озабочен известием о Шетарди, ибо ожидал совершенно других вестей; здесь огорчены не тем, что Шетарди выслан из России, но тем, что он не успел в своем намерении и такая сильная партия не могла низвергнуть министерства. Если барон Мардефельд далеко вмешался с Шетарди в деле и от вашего величества

будет принесена на него жалоба, то со стороны короля не будет никакого затруднения относительно его отозвания из Петербурга. Из этих сообщений видно, что Мардефельд с Шетарди действовал сообща; 2) генерал Любрас, которому король оказывает особенную ласку, сказывал мне, что король спрашивал его, нет ли в России какого нового заговора, ибо он получил известие, что там еще беспокойно, все находится в великом волнении, и по прошествии трех или четырех дней он надеется с варочным курьером получить известие о некотором важном событии, причем король внушал, что британский посол привез для этого 200000 фунтов стерлингов. Вчера некоторые из моих старых знакомых и друзей дали мне знать, что они чрезвычайно рады высылке Шетарди, ибо теперь они могут надеяться, что король их останется в покое, чего здесь все желают. Из таких разговоров легко можно видеть, как здешний двор боится России, которая одна только может удержать прусского короля от дальнейших замыслов".

От 14 июля Бестужев прислал следующее любопытное донесение: "Приезжал ко мне тайный советник фон Рот и говорил мне именем королевским, как его величество мною доволен, но не доволен братом моим: 1) зато что все русские министры при иностранных дворах с прусскими министрами обходятся не откровенно; 2) за то что вице-канцлер препятствует заключению тройного союза между Россией, Пруссией и Швецией. При этом говорил, что Англия хвастает, будто ее посланник повез с собою 600000 червонных для подкупа вице-канцлера и других и будто эти деньги отданы вице-канцлеру на раздачу. Король велел все это мне объявить, чтоб я частным образом относился к брату с таким обнадеживанием, что если он не будет противиться видам его величества, то король обоих нас будет благодарить и при первом случае сам об этом со мною будет говорить, что третьего дня и действительно случилось. Позван я был на бал и ужин с прочими иностранными министрами к королеве, где и король присутствовал. Его величество подошел ко мне и стал говорить очень тихо, чтоб никто не слышал; говорил то же самое, что и фон Рот, только с тою разницею, что английский посланник лорд Картерет хвастал, будто 100000 гиней переведено в Россию для составления партии и будто эти деньги даны моему брату для раздачи кому заблагорассудит. Я отвечал, что, быть может, Англия и хвастает, о том не спорю; но трудно поверить, чтоб такие деньги отданы были брату моему, и если бы это было правда, то брат мой заслужил наихудшее наказание. Я спросил, угодно ли его величеству, чтоб я обо всем этом донес моей государыне. Король отвечал: я вам это говорю не для того, ибо я вмешиваться и компрометировать себя не хочу, но отпишите частным образом к брату своему, остерегите его, чтоб он знал, каков английский двор, вразумите его, чтоб он был ко мне доброжелательнее".

Фридриху II было очень нужно, чтоб русский канцлер был к нему доброжелательнее. Успехи австрийцев в Эльзасе заставили его начать войну ранее, чем он хотел. Его план состоял в том, чтоб вторгнуться разными путями в Богемию, но для этого нужно было пройти чрез

саксонские владения. Так как прусский король объявлял, что он начинает войну только для того, чтоб подать помощь императору Карлу VII, то последний прислал грамоту курфюрсту Саксонскому, требуя свободного пропуска союзных прусских войск; но Фридрих II не стал дожидаться разрешения саксонского правительства и ввел свои войска в его владение, направляясь на Прагу; Август III протестовал против такого нарушения своей территории, но понапрасну; легко понять, какое впечатление произвел этот поступок прусского короля на союзников Марии Терезии.

Уведомляя свой двор о новых движениях прусского короля против Австрии, Бестужев писал от 21 июля: "И при нынешнем своем состоянии Пруссия представляет для своих соседей немалую опасность; а если король по известному своему старанию распространять свои границы при каждом удобном случае еще более себя усилит, то по влиянию, какое он тогда получит в Польше и Швеции, станет очень опасен для России; таким образом, не только вашего величества интерес, но и безопасность настоящая и будущая требует не допускать здешний двор до большего усиления, тем более что одна Россия в состоянии это сделать, и, по моему мнению, в таком важном деле надобно заблаговременно принять меры, ибо когда время упустится, то пособить уже будет некогда". Вслед за тем Бестужев писал: "Ваше величество усмотреть изволите, в каких гордых терминах, и полагаясь только на свою силу, здешний двор нынешний свой "мироломный демарш" неосновательными резонами пред беспристрастным светом оправдать ищет; все сие осязательно покажет, сколь мало впредь на здешние обязательства и трактаты полагаться можно".

Указывая постоянно на страшное приращение прусских сил, Бестужев писал: "Когда я еще в молодых моих летах здесь в академии был, то помню, что в то время дед нынешнего короля более 20000 войска не имел; покойный король увеличил его до 80000, а нынешний до 140000, и если еще границы свои распространит, то доведет до 200000. Хотя король прусский старается всевозможными ласкательствами ваше величество усыпить и тем отвратить от принятия какого-нибудь участия в нынешних европейских делах; но как скоро достигнет своей цели, приобретет еще что-нибудь, то, уже не говоря о том, что может присоединить к своему государству и польскую Пруссию, получит в Польше и Швеции по свойству и соседству великое влияние, а потом по честолюбивым своим видам, может быть, будет стараться посадить одного из своих братьев на польский престол, и не только сам, вместе с Франциею будет хлопотать, чтоб привести Россию в прежние границы, но не преминет возбудить против нее шведов и поляков. Я слышал заподлинно, что когда кто-то спросил короля, не будет ли настоящему предприятию препятствия со стороны России, то король отвечал: "Я от России так безопасен, как младенец во чреве матери". В том же смысле Бестужев писал и брату своему канцлеру: "При нынешнем уже позднем времени года думаю, что всего лучше напугать здешний двор и удержать от нападения на Австрию сильными представлениями с моей стороны и разглашением, что наш двор

намерен дать королеве венгерской должную по союзному договору помощь и велено войскам готовиться к походу, также и козакам (которых здесь сильно боятся). По обязательствам нашим к Австрии и по собственному нашему интересу необходимо принять меры, соответствующие чести и достоинству императрицы, тем более что здешний двор играет договорами и по своему принципу ничего не считает святым и ненарушимым: с такою наглостью и пренебрежением разорвал он Бреславский договор, гарантированный Россией и Англиею; здесь вошло в обычай нападать на своих союзников в то самое время, когда их обнадеживают в непрменной к ним дружбе; мне, мой cher frere, кажется необходимым, что если у нас еще никакой прямой системы не принято, то чтоб вы теперь вместе с товарищем своим, принявши твердую и самую полезную для России систему, составили план и по нему поступали. На сих днях граф Подевилльс дал мне знать, что король ему сказывал, будто я его обнадежил, что наш двор в нынешние европейские дела мешаться не будет. Я отвечал, что я такого обнадеживания королю никогда не делал и не мог делать, не имея указа от своего двора. Это недоразумение могло произойти оттого, что когда король говорил со мною об обманах английского двора и как австрийский двор обманул нас Белградским миром, то прибавил: я думаю, что ваш двор в настоящие европейские замешательства впутываться не будет? Я отвечал, что мне намерение ее величества вовсе не известно, а впрочем, мой двор желает, чтоб тишина на севере нарушена не была. Я пишу вам об этом потому, что вам известно, как здесь умеют затевать и запыраться".

В Лондоне 9 августа лорд Картерет сказал князю Щербатову: "Король прусский снял маску, начал делать насилия курфюрсту Саксонскому и наступать на королеву венгерскую вопреки Бреславскому договору. Представьте императрице, чтоб изволила обратить внимание на такие поступки короля прусского и по силе союзов с другими державами немедленно предпринять меры для недопущения его усиливаться новыми завоеваниями, ибо это усиление может быть вредно и самой России". В сентябре сам король говорил Щербатову "с сильнейшими изображениями", как много нынешние европейские дела зависят от решения русской императрицы, как легко она может их поправить, остановив движения короля прусского. Но еще до получения этих внушений, 11 августа, Бестужев писал Воронцову в Киев "о нечаянных и вредных поступках" короля прусского.

"Вспомните только, - писал канцлер, - что я толикократно вам об нем говорил, и исследуйте оное зрело, то вы найдете, что я правду сказывал. А когда и ее имп. величество труд воспринять соизволит оное всевысочайше припамятовать, еже я почти всегда, когда счастье имел со всенижайшими докладами быть, представлял, то я уверен нахожусь, что ее имп. величество сама всемилостивейше признает, что я не напрасно всегда говаривал, что королю прусскому много верить ненадобно и что его поведение и поступки натуральнейшим предметом и наидостойнейшею аттенциею нашему

отечеству быть имеют. Сей король, будучи ближайшим и наисильнейшим соседом сей империи, потому натурально и наиопаснейшим, хотя бы он такого непостоянного, захватчивого, беспокойного и возмутительного характера и нрава не был, каков у него сущесть, и хотя бы мнения и действия его так известны не были, как об оных ныне весь свет знает по всему тому, еже оный в краткое время его правительства видел. Он первым начинателем злоключительной войны в Германии был. Сия война худою верою с наиласкательнейшими дружбы и вспоможения обнадеживаниями начата и с такою же худою верою окончена: сей принц прекращением оной Францию, императора и короля польского, курфюрста Саксонского, учиня партикулярный мир, в жертву предал и тем себе Шлезию приобрел. По заключении и восстановлении Бреславльским трактатом мира ваше сиятельство сами знаете, с каким чрезвычайным рачением и с коликим притворством он здесь о приступлении ее имп. величества к сему трактату домогался. Едва оное с здешней стороны воспоследовало, то он сей трактат паки добровольно без всякой причины (преступя данное свое слово ни прямым, ни посторонним образом в войну не вмешиваться) нарушил. Можно ли после сего такому принцу веру отдавать, который свои обещания наиторжественнейшие, трактаты и обязательства столь мало держит? Чего другие державы от того себе обещать могут? И чего мы ожидать имеем, когда сему всегда новыми проектами наполненному принцу понравится с нами таким же образом поступать? Ее имп. величества честь и слава требуют принятые с союзниками своими обязательства ныне исполнить. А хотя бы ее имп. величество таких обязательств и не имела, то, однако ж, интерес и безопасность ее империи всемерно требуют такие поступки, которые изо дня в день опаснее для нас становятся, индеферентными не поставлять, и ежели соседа моего дом горит, то я натурально принужден ему помогать тот огонь для своей собственной безопасности гасить, хотя бы он наизлейший мой неприятель был, к чему я еще вдвое обязан, ежели то мой приятель есть. Ее величество тем соблюдет славную систему государя Петра Первого, которая нашему отечеству толико блага принесла. Сие ее империю в такой кредит приведет, что никто впредь не осмелится оную задрать; сверх же того мы сим других держав дружбу себе приобретем, еже для предку всегда весьма нужно есть. Коль более сила короля прусского умножается, толь более для нас опасности будет, и мы предвидеть не можем, что от такого сильного, легкомысленного и непостоянного соседа толь обширной империи приключиться может. Те новые союзы, которые помянутый король супружеством принца-наследника с его сестрою в Швеции учинил, достойны всякого примечания, и ваше сиятельство из взятых с собою протоколов об учиненных мною всенижайших докладах довольно усмотрите, колико я ее имп. величеству представлений чинил, что такое супружество Всероссийской империи чрез долго или коротко предосудительно быть может... Польза и безопасность империи в том состоит, чтоб своих союзников не покидать, а оные суть морские державы, которых Петр Первый всегда соблюдать старался, - король польский, яко

курфюрст Саксонский и королева венгерская - по положению их земель, которые натуральный с сею империею интерес имеют".

Воронцов отвечал приятными известиями, что присланный в Киев к императрице от Августа III граф Флеминг был принят очень благосклонно и сама Елисавета сказала ему на прощание: "Обнадежьте его величество, что я всегда верною и истинною его союзницею пребывать и в случае какого нападения на его земли скорою помощью поспешить не оставлю". Воронцов прислал также копию с своего мнения об иностранных делах, которое он подал императрице, и это мнение оказалось совершенно согласным со взглядами Бестужева.

В своем мнении Воронцов предполагает, что Фридрих II имеет тайные виды - завоевать Богемию и поделить ее с императором: "В таком усилении короля прусского и что он хитрый, скрытный и конкерантный нрав имеет, кто порукою по нем есть, что он против России ничего не предпримет? Буде станет против Польши действовать и не токмо отбирать пристойные к себе города и земли, но и, конфедерации заведя, короля польского с престола свергнет и такого властью и силою своею посадит, от которого сам в покое останется, а против России всякие неоконченные еще споры и претензии на Украину, Смоленск и Лифляндию производить и тем беспокоивать; тогда что будем делать? Ежели сему препятствовать, то без помощи других держав одним не управиться, да и не поздно ли уже будет начинать препятствовать, когда никто из посторонних держав в состоянии не будет сопротивление сделать? К сему ж прибавить можно, что шведы и датчане против нас спокойны останутся ли? И тако ежели во всех сих предприятиях королю прусскому помешательства не делать, то какие от того произойти могут несчастья и конечное потеряние Лифляндии и прочие опасности, о том и вздумать страшусь. Теперь подумать надобно, что не токмо по наущениям французским и прусским для облегчения своим войскам (и ежели подлинно осведомимся, как объявляют, что король прусский посылал нарочного эмиссара в Турки для заключения альянции и возбуждения против королевства Венгерского и России войны), и сам салтан турецкий, и персияне не упустят полезной для себя конъюнктуры, чтоб в войну не вмешаться и против России не начать, дабы оную со всех сторон поубавить, тогда каким образом себя оборонять можем? Когда все дружеские державы, как выше упомянуто, в несостояние приведены будут и помощи дать не возмогут, тогда по человеческому разуму никакого спасения уже иметь не видится. И хотя ваше имп. величество персонально от злого намерения и поступков мерзкого Ботты немало огорчены находитесь; токмо для общего интереса государства вашего сие падение дома королевы венгерской допустить весьма опасно в рассуждении том, что в случающихся весьма часто непостоянных переменах европейских, к тому ж и для чинимой диверзии войсками своими какой-либо войны с турецкой стороны она нужна для России, быть может, тем наипаче, что все сии усиления и аванжажи, которые короли прусской, испанской, французской и цесарь и еще некоторые другие немецкие малые князья в

нынешней войне получают; оные все вашему имп. величеству спасибо никто не скажут, только явную оплошность все признают и, наконец, все вышеписанные несчастья, конечно, наводить не оставят, для того что они на великую силу России с немалою завидливостью смотрят и все всячески того ищут, чтоб в прежние границы оную привести и чтоб такой силы и помешательства впредь делать отнюдь в Европе и нигде иметь не могла". Воронцов предлагал следующие меры: 1) поставить себя в неоплошную позитуру, расположить на границах Лифляндии и Польши значительное войско, после чего императрица объявит себя посредницею между воюющими сторонами; 2) войти в соглашения с русскими союзниками, пригласив и Голландию; чтоб союзники "не увалили всю тягость на Россию, надобно установить план действия"; 3) русский посланник в Польше должен внушить королю и магнатам, что императрица готова помочь им в случае нападения на их области или в случае составления конфедерации.

Бестужев был в восторге от этого мнения. "Я в приятное удивление приведен, - писал он Воронцову, - что ваше всеусердно-рабское рассуждение по причине нынешних европейских замешательств не токмо с моим, но и со мнением прочих нашей коллегии членов толь точно сходствует, что мы все вместе ничего лучше и с интересами, славою и честью ее имп. величества сходственнее сочинить не могли б... И ежели сей заносчивый сосед (я думаю, король прусский) немного усмирен не будет, то мы его, как ваше сиятельство зрело рассуждаете, чрез долго или коротко в нашей Лифляндии с вящшею силою, нежели у него теперь есть (хотя он уже и так весьма опасен), увидели б". Бестужев указывал на Швецию, Воронцов - на Польшу: и здесь, и там нужно было, по их мнению, бороться с интригами прусского короля.

Еще в конце 1743 года отправлены были в Стокгольм деньги на содержание русского войска, чтоб отнять у недовольных причину жаловаться на лишние тягости. Генерал Кейт, имевший по отъезде Корфа назад в Копенгаген и дипломатическое поручение, передал своему двору известие о впечатлении, произведенном в Стокгольме щедростью императрицы: наследник сказал ему, что он считает русскую государыню единственною виновницею своего благополучия, и последняя щедрота утверждает его на том месте, на которое возведен ее величеством. Сам король с радостным видом сказал Кейту, что императрица изволит жаловать к новому году богатые подарки и что трудно найти благодарные слова, соответствующие ее милости, но что он, находясь с младенчества в военной службе, теперь, несмотря на старость, чувствует в себе довольно силы отслужить шпагою за милость императрицы, лишь бы только представился для того благоприятный случай, что вместе с ним вся Швеция вечно будет обязана императрице и никогда не забудет оказанной себе милости. Сенаторы говорили, что теперь зажметя рот зломыслящим, которые перетолковывали в дурную сторону присылку русского вспомогательного корпуса. Кейт писал, что присылка денег так же важна,

как и присылка войска, ибо чрез присылку денег от Дании отпадет большая часть ее приверженцев, а только на них-то она и могла надеяться, если бы вздумала напасть на Швецию.

Но в то же время в Петербург пришла не очень приятная весть из Стокгольма: король объявил Кейту о намерении наследного принца вступить в брак с сестрою прусского короля, требуя согласия на то императрицы. Сам наследный принц обратился письменно к императрице, "как сын к матери", с просьбою о согласии на этот брак, который "совпадает с его расположением к берлинскому двору". Елисавета в январе 1744 года отвечала: "Сие дело такой натуры есть, что оное главнейше зависит от собственного вашего королевского высочества благоизобретения и согласия его королевского величества и шведских государственных чинов; тако нам все то, еже к наивысшему вашему благосостоянию и укреплению между его величеством и вашим высочеством отеческих и сыновних сентиментов служить может, приятно и угодно будет". Родственный союз наследного принца с берлинским двором мог казаться тем опаснее, что со стороны шведского народа нельзя было ожидать доброго расположения к России, почему и наследный принц для приобретения народной любви мог подвергаться сильному искушению стать неблагодарным к своей благодетельнице, тем более что дела с Даниею улаживались. 1 апреля Кейт писал, что Гилленбург и Нолькен уже спрашивают, когда русский вспомогательный корпус намерен возвратиться в отечество; в народе стали поговаривать, будто императрица хочет оставить два или три полка наследнику вместо гвардии. Эти толки, по мнению Кейта, пошли от недоброжелателей, которым хочется внушить народу, что наследный принц, не доверяя шведам, намерен для своей безопасности держать чужое войско. Кейт доносил, что в Швеции две господствующие партии - французская и английская, из которых первая сильнее второй, заключают в себе большую часть дворянства и почти всех горожан; духовенство разделено между ними почти поровну, а крестьяне еще не совсем отстали от мысли соединения с Даниею. "Из всех сих факций, - писал Кейт, - я не могу сказать, чтоб которая совершенно интересы вашего имп. величества наблюдала; король невеликую партию имеет, которая ничего важного учинить не в состоянии. Что ж, ваше имп. величество, повелевать мне изволите искусным образом внушить о дальнейшем пребывании здесь корпуса войск императорских, то по истине сие есть струна, наивысочайшей осторожности подлежащая; всенижайше дозволения прошу оное внушение на несколько времени поудержать, кое время свободно проволочь можно будет чрез распорядки, сними по их же воле учиняемые. Я в состоянии буду до конца мая месяца, не подавая нималого шведам сумнения, посадение войск на галеры проволочь, и в случае вашего имп. величества соизволения, чтоб здесь оному корпусу дале пробавиться, тогда претекст недостатка провианту может мне служить причиною ожидать здесь одного из России присылки".

Мир между Швециею и Даниею был заключен окончательно, и шведское министерство обратилось к Кейту с внушением, что русские войска, теперь более ненужные, могут отправиться из Швеции - хорошо, если уйдут до жатвы, а еще лучше до сенокоса, - и когда Кейт объявил, что ежечасно ожидает присылки провианта, то министерство обязалось немедленно выдать провиант из своих магазинов; когда же Кейт объявил наследному принцу, что получен указ императрицы о выходе русского войска из Швеции, то принц отвечал: "Очень рад, потому что долгое ваше здесь пребывание народ приписывает мне и начал уже на меня роптать".

Кейт должен был оставить Швецию вместе с русским войском, и чрезвычайным министром в Стокгольм был назначен генерал Любрас, участвовавший в Абовском конгрессе и, как видно, неприятный и подозрительный Бестужеву, следовательно, надобно заключить, что его назначение было делом противной канцлеру партии. Любрас поехал через Берлин, откуда от 25 июня писал императрице о разговоре своем с королем. Фридрих II объявил ему, что он очень беспокоится насчет русского двора, ибо императрица подвергается многим противностям и опасностям от замыслов злостных и неверных людей. В том же донесении Любрас писал, что он был у короля в Потсдаме двое суток и имел с ним долгие разговоры, о содержании которых донесет впоследствии. На это Бестужев заметил: "В двои сутки не одумался писать, что с ним король разговаривал, а может быть, что ведомость о Шетарди и "всю реляцию Любраса отменит".

Наконец реляция Любраса пришла от 28 июня: король повторял, что он сильно беспокоится о делах при русском дворе; но какие бы интриги ни производились, лишь бы только императрица могла удержаться на престоле. "Я наверное знаю, - говорил Фридрих II, - что теперь при дворе и в народе такое сильное волнение, что скоро что-нибудь нечаянно должно выйти наружу. У меня в руках доказательство, что лорд Тиравлей имеет у себя больше 600000 червонных для подкупа. Я с нетерпением ожидаю своего курьера. Что у вас в министерстве? Кто будет великим канцлером?" Фридрих нарочно напугивал русский двор, чтоб он не мешался в европейские дела; ибо всего более боялся этого вмешательства, всего больше продолжал бояться нерегулярных русских войск и потому расспрашивал Любраса о козаках и калмыках.

Из Берлина Любрас отправился в Копенгаген, где датский король говорил ему: "Римская империя находится в плохом состоянии, и если король прусский будет продолжать прежнее поведение, то не только многим имперским князьям предстоит близкая гибель, но и все соседи подвергаются опасности нападения, если заблаговременно не приведут себя в оборонительное состояние. Прусский король одного за другим поглотает, а тогда черед дойдет и до сильнейших, чего и Россия имеет основательную причину ожидать". Любрас сказал на это, что если его величество сам сознает необходимость восстановления спокойствия

общего, и особенно на севере, то, разумеется, и будет содействовать этому сильнейшим образом. Король отвечал: "Буду содействовать этому всеми силами, и главное средство здесь - постоянное доброе согласие между Россией и Даниею, от чего зависит и истинный интерес обоих государств; все зависит от императрицы". На прощание король повторил, что его искреннейшее желание быть с императрицею в добром согласии, и со слезами на глазах, смотря на небо, прибавил: "Кто внушает императрице иное, тот ей недоброхот".

В Стокгольм приехал Любрас только 25 октября и в ноябре уже доносил, что французская партия сильно увеличилась и ежедневно умножается по прибытии из Пруссии кронпринцессы; французский посланник Ланмари действует в Стокгольме и провинциях свежими, недавно полученными деньгами, чтоб к сейму своих креатур заготовить. Скоро Любрас донес также, что от прусского посла сделано предложение оборонительного союза между Пруссией и Швециею, но что король велел наперед дать знать об этом русскому двору. Наследный принц обнадеживал Любраса, что будет изо всех сил стараться не допускать ничего, что могло бы быть противно воле императрицы: это будет его постоянным правилом. Любрас начал толковать с сенаторами патриотической (т. е. русской) партии, что если Швеция будет в постоянной дружбе с Россией, то ни от кого никогда неприятельского нападения ожидать причины не имеет, а следовательно, и нет ей нужды в постороннем оборонительном союзе; а если прусский король вследствие продолжающихся германских смут подвергнется от кого-нибудь нападению, то Швеция принуждена будет в этой войне принять союзническое участие. Патриотические сенаторы, разумеется, были одного мнения с Любрасом; но, когда он стал делать свои представления наследному принцу, тот отвечал, что по обнадеживанию от прусского двора союз этот имеет главную целью поддержать его, принца, на шведском престоле и будет обязателен только по окончании настоящей войны в Германии. По мнению Любраса, "оное токмо для одного амюзирования инсинуировано".

В таких обстоятельствах члены русской партии требовали, чтоб Россия как можно скорее заключила союзный договор с Швециею, чтоб предупредить Францию и Пруссию; и здесь главное затруднение состояло в том, что Швеция не могла без субсидий заключить ни с кем союзного договора, а для России было тяжело платить субсидии. В половине декабря Любрас извещал, что с помощью французской и прусской партий в провинциях являются эмиссары, которые назначаемых на будущий сейм депутатов уговаривают ввести самодержавие, внушая, что бедственное состояние Швеции происходит главным образом от республиканских учреждений и необходимого их следствия - несогласия: войско и крестьяне особенно к этому склонны, между мещанами многие того же мнения, а к этим чинам обыкновенно пристаёт и духовенство; кронпринц, осаждаемый женою и приверженцами самодержавия, будет благоприятствовать этому делу, а не препятствовать ему, он уже добыл себе полковничий чин в гвардии.

Мелкое дворянство желает самодержавия, богатое одно не желает; но, во-первых, его немного, потом и оно желает усиления королевской власти, именно как было при Густаве Адольфе, только чтоб король не мог объявлять войны, заключать мира, налагать податей, что должно остаться во власти чинов. Любрас, признавая эту перемену, весьма предосудительную интересам России, предлагал внести в союзный договор условие, чтоб настоящая форма шведского правительства оставалась нетронутую, а чтобы шведам было не обидно, требовать и с их стороны гарантии настоящего образа правления в России.

Что касалось польских дел, то в продолжение 1742 и 1743 годов ко двору Елисаветы приходили постоянные жалобы русских людей в польских владениях на гонения от католиков. Несколько раз Кейзерлинг жаловался министрам и самому королю, и все понапрасну. В конце 1743 года он старался "живо представить" королю, что совесть русских людей, находящихся в его подданстве, жестоко оскорбляется хулами на их веру, что происходит неслыханным в христианстве образом; такие нехристианские поступки чувствительно оскорбляют императрицу, которая считает своею обязанностью вступаться за единоверцев, тем более что она имеет на это и право по мирному договору, что русские люди при соединении Литвы с Польшею пришли с своею верою, свободное отправление которой подкреплено потом королем и сеймами. Король отвечал, что ему очень прискорбно слышать о продолжении таких беспорядков и наглостей относительно жителей греческой веры. "И по прежним вашим жалобам, - говорил король, - я писал к обоим канцлерам, польскому и литовскому, чтоб они постарались о прекращении этих притеснений. Злоба к людям чуждых вер заставляет притеснять невинных, не обращая никакого внимания на общее благополучие, на законы, на договоры. Таких ревнителей в Польше немало, которые поступают тем смелее, чем больше тамошние законы благоприятствуют злоупотреблению свободой. Напишу еще к коронному канцлеру, чтоб вступился за жителей греческой веры". Грамота к канцлеру была действительно написана, но этот канцлер был католический епископ. К вельможам польским Кейзерлинг писал с угрозою, что императрица не оставит своих единоверцев без защиты и употребит средства, равносильные злу; министрам напомнил, что в 1599 году уже было соглашение между русскими и протестантами, чтоб стоять сообща за свободу веры. Коронный канцлер отвечал, что жители греческой веры сами неправы, обращаясь с своими жалобами к русскому двору, а не к польскому министерству. Кейзерлинг возражал, что жалобы людей греческой веры на всех сеймах слушаны, но ни на одном не выслушаны так, чтоб жалобщики были успокоены.

Приближалось время сейма, и в марте 1744 года коронный канцлер Залуский написал Кейзерлингу, что король больше всего желает теснейшего союза между Россией и Польшею, что он будет склонять к этому союзу чинов республики, причем король обнадежен, что

представленное на сейме умножение войска не только не будет противно императрице, но она будет содействовать проведению этого предложения, ибо через это республика придет в состояние содействовать России в общих видах. Кейзерлинг писал к своему двору, что увеличение войска составляет предмет желания и требования всей нации и противиться этому делу публично нельзя. Но другой вопрос: откуда взять для этого средств? По этому предмету на предыдущем сейме происходили бесконечные споры; почти каждый день подавались новые предложения и отвергались; время пришло, и сейм разошелся, не постановив ничего. Человек, который бы захотел прямо противодействовать общему желанию умножения войска, навлек бы на себя всеобщую ненависть. Итак, если Пруссия захочет воспрепятствовать этому умножению, то она может только подкупать сеймовых депутатов, чтоб чрез них мешать соглашению о средствах, или, если это будет невозможно, сейм разорвать под каким-нибудь другим предлогом. О воеводе бельзском Потоцком давно уже известно, что он совершенно предался прусскому двору, и надобно ожидать, что на будущем сейме он будет действовать в видах этого двора; то же утверждают о старом Тарло, воеводе сендомирском; но это еще требует подтверждения. Может быть, у Пруссии в Польше и больше приверженцев, но не между сенаторами и знатью, а в мелкой шляхте или при армии; следовательно, важного влияния на дела иметь не могут. Кейзерлинг дал знать королевскому министерству, что императрица вовсе не намерена препятствовать умножению войска, предоставляя это дело благоусмотрению короля и республики. Это объявление было принято с большим удовольствием.

В мае Кейзерлинг переехал из Дрездена в Варшаву, потому что двор переехал туда же. Здесь посланник был встречен жалобами православных: в Дрогичине в Троицын день студенты по приказу префекта Ушинского напали на православный крестный ход, бросали грязью в духовенство, мярян били дубинами, разодрали хоругви, разбили иконы; в воеводстве Новоградском отняты были у православных две церкви и отданы униатам. Кейзерлинг подал опять королю промеморию, настаивая на принятии сильнейших средств к прекращению зла; король поручил дело коронному канцлеру, а тот передал Кейзерлингу рескрипт к ректору дрогичинского иезуитского коллегиума с предписанием не трогать православных. Король заявлял, что если бы прекращение этих религиозных преследований находилось в его силе и власти, то оно давно бы уже последовало. Кейзерлинг не мог нахвалиться дружеским расположением к России короля, министерства и польских вельмож.

Но в конце июля внимание было отвлечено от этих польско-русских дел движениями прусского короля. Кейзерлинг дал знать, что приехал в Варшаву прусский министр Валленрод с требованием пропуска прусских войск чрез Саксонию в Богемию; но этим дело не ограничивалось: Кейзерлинг извещал о французско-пруссских намерениях завести смуту в Польше. Литовский стольник Сапега, который прежде бывал подкупаем

Швециею и Пруссиию, получил письмо от чигиринского старосты Яблоновского: Яблоновский уговаривал его составить конфедерацию, причем обнадеживал, что прусский король будет сильно ее поддерживать; имения Сапеги будут охранены, а если он потерпит какие убытки, то получит за них вознаграждение. Сапега показал это письмо королю, который дал ему за такую благонамеренность орден. Французский министр Шавиньи писал воеводе мазовецкому графу Понятовскому, что теперь наступило самое благоприятное время исполнить то, чего прежде нельзя было сделать для их вольности. Эти внушения происходили оттого, что французский двор в случае нападения австрийцев на Лотарингию намерен был отказаться от обязательств 1738 года относительно Станислава Лещинского. Кейзерлинг писал, что внимание поляков поглощено движениями прусских войск, об этом только и говорят; но как ни старается граф Валленрод обнадеживать поляков насчет дружеских намерений своего двора, внушения его принимают с недоверием, которое возрастает с каждым днем. Валленрод был с визитом у великого гетмана, причем объявил, что король его питает такую преданность к польской нации и такое уважение к республике, что если бы ее вольность, ее благо, ее интерес были нарушены или грозила бы им какая опасность, то он явился бы к ней на помощь и защищал бы ее всеми своими силами. Гетман отвечал: "Мирные и дружеские обнадеживания со стороны соседей могут быть только приятны республике, которая сама любит мир и тишину, но нельзя полагаться на дружеские обнадеживания прусского короля: три прусских посольства уверяли в дружеских намерениях королеву венгерскую, а с четвертым посольством, состоявшим из многочисленной армии, прусский король сам пришел и Силезию отнял". Скоро и сам Кейзерлинг услышал от Валленрода любопытные для себя новости: 24 августа прусский посланник подошел к нему при дворе и объявил, что получил рескрипт от своего государя; король пишет, что так как он, Кейзерлинг, сильно отдалается от прусских интересов, то он, король, велел своему министру при петербургском дворе просить императрицу сделать такое перемещение: к польско-саксонскому двору назначить брата канцлера Мих. Петр. Бестужева-Рюмина, а его, Кейзерлинга, перевести к римско-императорскому двору, что уже и решено в Петербурге. Кейзерлинг написал канцлеру: "Ваше сиятельство мне особенную милость покажете, если объявите: насколько я должен верить этим словам?"

Известие оказалось справедливо: Михаил Петрович Бестужев был назначен к польско-саксонскому двору, но Кейзерлинг должен был вместе с ним присутствовать на сейме в Гродне и уже по окончании сейма должен был отправиться во Франкфурт к римско-императорскому двору.

Бестужев приехал в Гродно 23 сентября, накануне открытия сейма. В первом разговоре с ним граф Брюль, приглашая Россию к союзу с Саксонию, Англию, Голландию и королевою венгерскою, высказал уверенность, что императрица как одна из первых коронованных глав в Европе по известному своему великодушию и справедливости не будет

равнодушна к той опасности, которая угрожает всем частям Европы, ибо французские и прусские виды велики и их следствие могло бы распространиться гораздо далее, чем теперь человеческий разум предусмотреть или потом отменить мог. Победоносное оружие Петра Великого некогда избавило северную часть Европы от завоевания и даровало ей мир и тишину; он, Брюль, надеется, что благословенное оружие императрицы положит надлежащие пределы дальновидным замыслам тех, которые стремятся ко владычеству в Европе и хотят по своей воле располагать благополучием или злополучием народов и государств. Брюль окончил разговор словами кардинала Ришелье: "Нет ничего вреднее для государства, как снести хладнокровно, когда какой-нибудь государь завоюет самовольным насильством земли соседнего государства, ибо это завоевание может служить ему мостом к дальнейшему движению; поэтому союзники обиженного государя должны употребить все свои силы для его поддержания, ибо, воюя за него, стоят сами за себя, а когда неприятель уже у ворот - несвоевременно требовать защиты". Относительно сейма Бестужев доносил, что прусский министр Валленрод и резидент Гоерман, получа из Берлина 20000 червонных, стараются этими доказательствами, даваемыми из рук, удостоверить поляков в добром расположении к ним своего двора. Прусские деньги раздаются земским послам, чтоб сделать сейм бесплодным.

Бестужев должен был хлопотать, чтоб на сейме не было речи о Курляндии. Это дело было трудное; всего легче было бы освободить Бирона и отпустить его в Курляндию; об этом просил императрицу король Август, но Бестужев должен был отвечать, что по государственным причинам Бирон и потомство его не могут быть освобождены и выпущены из пределов России. Императрица предлагала в герцоги принца Гессен-Гомбургского; на этот счет король велел сказать Бестужеву, что лучше бы императрица соизволила ходатайствовать за кого-нибудь другого; по мнению почти всех польских вельмож, этот кандидат невозможен; принц Гессен-Гомбургский во время последней революции в Польше приобрел здесь более неприятелей, чем друзей. Тогда Бестужев и Кейзерлинг предложили другого кандидата - принца Августа Голштинского, и это предложение было принято с удовольствием.

Но от Курляндии постоянно отвлекала Пруссия. В октябре Бестужев и Кейзерлинг доносили, что Валленрод предлагал польскую корону сендомирскому воеводе Тарло, а если он не хочет, то обещал возвести на престол Станислава Лещинского, лишь бы только Тарло принял за конфедерацию и отказал в повиновении королю Августу. У Тарло с Валленродом начались ночные совещания; король велел Брюлю сказать Тарло, что он удивляется этим ночным беседам, которые не могут иметь целью благо и спокойствие государства, ибо доброе и позвольное дело дня и света не боится, и если сейм желаемого конца не получит, то король найдет принужденным заявить об этом поведении воеводы в Сенате и в депутатской камере. Испуганный Тарло просил быть представленным

королю, рассказал сам, о чем у него шло дело с прусским посланником, и обещал, что не позволит чужестранным обольщениям отвести себя от верности. Ждали, что французский посланник С. Северин привезет деньги, назначенные для возбуждения конфедерации на Волыни, и Бестужев с Кейзерлингом писали, что французский двор должен в этом случае действовать по соглашению с прусским королем. Оба посланника писали: "Из всего можно признать, как Франция и Пруссия стараются иметь в Польше такого короля, который бы зависел от них, именем которого были бы оживлены все прежние договоры с Франциею, Швециею и Пруссиею и решительная власть над Европой могла быть утверждена. Люди, проникающие во вредные следствия французских и прусских внушений и показавшие свою благонамеренность относительно интереса вашего величества, желают и требуют от нас, чтоб мы именем вашего величества объявили, что Россия никак не будет спокойно смотреть на конфедерацию и волнения в Польше, но постарается прекратить их в самом начале, никак не допустит, чтоб в соседстве ее разгорелся такой же пожар, какой свирепствует в остальной Европе". Послы указывали своему правительству на родословную, изданную в Бреславле, в которой значилось, что Юрий Подеброд и Владислав были похитителями венгерской и богемской короны, а законное наследство принадлежало курфюрсту Иоанну Бранденбургскому, от которого происходит нынешний король прусский.

В конце октября сейм был приведен в чрезвычайное движение: депутат Вильчевский объявил всей посольской избе, что прусский министр деньгами склонял его к разорванию сейма, дал тысячу ефимков и обещал три тысячи червонцев; при этом Вильчевский вынул из кармана полученные деньги и бросил на пол избы. По примеру Вильчевского и другие депутаты объявили о том же. Но Валленрод, не дожидаясь никаких сообщений об этом от польского министерства, потребовал удовлетворения. Так как сношение с Тарло окончилось неудачно, то Валленрод обратился с предложением польской короны к форшнейдеру Потоцкому. Брюль уверял Бестужева и Кейзерлинга, что сам читал обнадеживания, сделанные прусским королем Потоцкому. Послы доносили, что число прусских и французских приверженцев ежедневно умножается. Вельможи и мелкая шляхта больше прежнего друг против друга раздражаются, и, таким образом, огонь уже тлеет под пеплом. Послы советовали на границах у Киева и Смоленска собрать несколько тысяч войска и объявить, что Россия не допустит нарушения спокойствия в Польше. Решительные средства, казалось, были необходимы, потому что вскрытие подкупа Вильчевским не помогло: девять земских послов, подкупленных прусскими деньгами, не допустили до соединения земской избы с сенатом, и сейм прекратился за истечением срока; с французской и прусской стороны было внушено подкупленным вельможам и шляхте, что если они не уничтожат сейма, то имена их будут обнародованы. После этого Мих. Петр. Бестужев счел нужным написать из Варшавы такое письмо графу Михаилу Ларионовичу Воронцову:

"Пребывающий здесь прусский министр фон Валленрод и президент Гоерман по возвращении своем из Гродно полякам чрез приятелей своих под рукою внушают, коим образом Мардефельд с Москвы писал, что он от вероятной персоны словесное обнадеживание имел, что объявленную декларациею токмо учинена проформа, дабы тем польский и саксонский двор некоторым образом успокоить и чтоб они, следовательно, на оную не смотрели и ничего бы не опасались. Сему подобные внушения, как с ласкою, так отчасти угрозами чинимые, немалое действие и у поляков уже великую импрессию причиняют. Какую же сильную инфлюенцию ныне прусский двор к очевидному умалению нашего прежнего здесь в Польше супериоритета и кредита в здешних делах уже имеет, о том интригами его разорванный сейм в Гродно довольно показывает, да и нам больше бы еще сия инфлюенция к крайней российского интереса вреде и предосуждению не было бы, ежели бы его предвосприятия в Богемии лучший успех получили или ежели ему впредь удастся сию от всего света нечаянную войну по желанию своему окончить: в таком случае заподлинно верить должно, что он по окончании оной не токмо Гданск, Варминское епископство, но и все польские Прусы без великого труда державе своей присовокупить может; и хотя в таком случае по сущим нашим интересам за Польшу вступитья необходимо принуждены будем, то, однако ж, тогда сему пособить, не токмо уже поздно, но и понеже между тем в наивящшую силу себя приведет, то ему в произведении таких России зело опасных видов препятствовать гораздо труднее будет. Россия тогда истинно в крайней опасности находиться будет, ибо как французскому, так и прусскому дворам, которые всегда токмо то ищут и желают, как бы российскую силу так умалить, чтоб она в прочих европейских делах участие принимать никогда в состоянии не была, тогда весьма легко будет, с одной стороны, шведов, обещая им Лифляндию и все нами завоеванные провинции, возвратить, а с другой стороны, поляков, обещая сим Смоленски Киев аки непостоянному народу, который чрез деньги и угрозы ко всему без великого труда склонить можно, на нас напустят, пока между тем прусский двор сам в средину чрез Курляндию нас атаковать и тако обще с ними Россию в прежние ее границы привести стараться будут, не упоминая еще притом о турках и татарах у которых уже как французские, так и прусские эмиссары действительно имеются. Необходимо нужное и зрелое рассуждение не точию нашей предбудущей безопасности, но и нынешних российской славе и интересу толь удобо полезных конъюнктур подали мне повод вашему сиятельству, яко верному ее имп. величества подданному и сущему сыну отечества, а моему милостивому патрону вышеизображенное мое искреннее мнение по совести и по всегдашней моей верно-рабской ревности ко всевысочайшей чести, славе и службе ее имп. величества, сколько моего смыслу есть, сим откровенно сообщить. Всему свету известно, в какой великой депенденции прусский двор при жизни Петра Великого от нас зависел и что тогда здесь, в Польше, никакой инфлюенции не имел, напротив того, в какую оный двор ныне великую и наипаче нам весьма опасную силу пришел. Прусский двор нас ныне

притворством токмо для того уласкать и усыпить ищет, дабы мы по нашим натуральным интересам нынешними нам толь удобными конъюнктурами не пользовались, ибо он совершенно удостоверен, что токмо ее имп. величество в состоянии находится в непродолжительном времени все нынешние и единственно токмо от него и Франции произведенные европейские замешательства и невинной крови пролитие пресечь и прежний систем и баланс в Европе (при котором Россия всегда в благосостоянии находилась) восстановить и все дальновидные, их и нам всемерно опасные замыслы вдруг прекратить, притом же с утверждением общего в Европе покоя бессмертную себе славу, а государству своему существенную пользу получить. Толь немалое число обретающихся ныне при нашем дворе чужестранных послов, чему в древних временах никакого примера сыскать неможно, довольно показывает, коль прилежно почти всякая потенция дружбу нашу получить старается и что, следовательно, при нынешних дел обращениях токмо от нас самих зависит не токмо наших натуральных друзей сохранить, но и при восстановлении нарушенной французским и прусским дворами вышепомянутой европейской системы и балансу собственную нашу предбудущую безопасность на добром основании в вечные времена утвердить. Притом же всякой благоразумной и здравой политики главнейшая максима всегда сия быть имеет; чтоб заблаговременно не допускать, дабы сосед мой в наибольшую и, следовательно, мне самому не иначе, но весьма предосудительную силу не приходил; ибо коль больше оный себя усиливает, толь вяще я себя сам в бессилие и очевидную опасность привожу".

Для восстановления равновесия в Европе нужно было поддержать Австрию против Пруссии, а для этого прежде всего нужно было прекратить неприязненные отношения русской императрицы к королеве венгерской, возникшие по делу Ботты.

Январь и февраль месяцы 1744 года прошли в Вене у Ланчинского в бесплодных требованиях скорого и точного ответа насчет сатисфакции по делу Ботты: ему отвечали прежде, что наряжен суд, что в дипломатических переговорах можно гнуть и поворачивать дела в ту или другую сторону, но в суде другое - по законам поступать надобно, а законы гнуть и переломить нельзя. В марте по указу из Петербурга Ланчинский объявил на это, что передача дела Ботты в суд неприлична и излишня, что императрица по естественному праву ожидает сатисфакции, явной и соразмерной тяжкому преступлению Ботты. В таких затруднительных обстоятельствах венский двор прибег к посредничеству саксонского: король Август III предложил свои дружеские услуги для прекращения дела Ботты; но Ланчинский должен был объявить, что иностранные державы как вначале не имели участия в деле Ботты, так и теперь не имеют; пусть на посредства не полагаются, дают должную сатисфакцию, а императрица не вступается в то, каким порядком королева прикажет судить Ботту. При этом Ланчинский прибавил, что следствием упорства венского двора будет

отзыв его, посла, из Вены. Ботте был объявлен домовый арест; министры обходились с Ланчинским ласково, но постоянно уклонялись от разговоров о деле Ботты. В июне Улефельд предложил Ланчинскому присутствовать при допросе Ботты; тот отвечал, что так как Ботта во всем запирается, то он не может быть свидетелем таких *отлыганий* и вступаться в судебные порядки, ибо императрица прямо объявила, что она в них не вступается, а требует удовлетворения на основании несомненных свидетельств виновности маркиза. Через несколько времени Улефельд объявил Ланчинскому, что комиссия по делу Ботты кончила свои занятия, но никакого приговора не положила, а подала письменно свои мнения, которые и посылаются ко двору императрицы, между тем королева, перенесши дело снова на дипломатический путь, велела Ботту перевезти за арестом в замок города Граца на шесть месяцев и долее, если императрице будет угодно; если же такой способ удовлетворения не примется при русском дворе, то из Вены потребуют сообщения полных следственных актов вместе с допросами и ответами преступников, в таком случае Ботту опять сюда привезут из Граца и процесс против него будет возобновлен. Ланчинский отвечал, что отвозение Ботты в Грац не составляет достаточного удовлетворения и что он, Ланчинский, получил указ выехать из Вены. Улефельд изумился и просил подождать извещения, как будет принято императрицею распоряжение королевы относительно заточения Ботты в Грац. Ланчинский согласился ждать на том основании, что отсылку Ботты в Грац можно почитать началом удовлетворения.

В Вене должны были спешить окончанием дела Ботты, потому что новые движения прусского короля опять ставили Марию Терезию в опасное положение. В начале августа Ланчинский писал: "Дела здешние вдруг в великую опасность пришли: ежечасно ожидается ведомость о вступлении многочисленных прусских войск чрез Саксонию в Богемию, без всяких околичностей говорят, почти публично, что если ваше императорское величество здешнему двору руки помощи не подадите, то этот двор вместе с саксонским придет от Пруссии в крайнее разорение и оба будут раздавлены. Прусский король издал манифест, что он против королевы ничего не имеет и об его интересе дело нейдет, но он принимает на себя защиту императора и хочет быть посредником между воюющими сторонами. Здесь знают подлинно, что между императором, королем прусским, курфюрстом Пфальцским и принцем Гессец-Кассельским заключен договор, по которому король прусский обязался императору доставить Богемию, а император обещал ему из нее уступить три округа. Король польский, как курфюрст Саксонский, должен потом ожидать своей очереди: король Прусский присвоит себе Лузанию на том основании, что прежде она принадлежала к Силезии; потом доберется и до ганноверских земель под каким-нибудь предлогом и так одного соседа за другим будет обирать и над всеми ругаться; теперь, например, не ожидая от саксонского двора ни позволения, ни указания пути, прямо прислал ему описание дороги, какую прусские войска пойдут чрез саксонские владения". В это самое время Ланчинский объявляет министрам, что он отъезжает из Вены в

Дрезден вследствие дела Ботты. Сначала ответом было "изумление и плечами пожимание". Потом министры начали говорить: "Будет от вашего выезда нашим неприятелям утеха, а приятелям уныние. Печально, что союзники, имеющие с нами естественные и общие интересы, так осязательно нас покидают, особенно при нынешнем нападении от Пруссии. В третий раз приходится призвать на помощь, бога и самим обороняться по крайней возможности. Что могла сделать королева более, как отправить графа Розенберга послом с пространнейшими инструкциями дать императрице полное удовлетворение". Министры подавали вид, чтоб посланник остался в Вене. "Но я, - писал Ланчинский, - рабски рассуждая, что в последнем указе явно и повторительно безо всякого условия предписано мне выехать, и не зная, с чем к вашему величеству королевин министр пришлется, не мог обратить внимания на их внушения: не мое рабское дело в то вступаться, чего рассмотрение ваше величество сами себе предоставить соизволили".

31 августа Ланчинский выехал из Вены в Дрезден; а между тем Розенберг уже был в Москве и 22 августа подал канцлерам промеморию, в которой говорилось: "Из всех неприятностей, какие ее величество королева испытала со времени вступления своего на престол, ни одна не была ей так прискорбна, как нечаянное известие, что ее министр при дворе ее императорского величества обвинен в мерзостном и проклятия достойном преступлении. Ее королевино величество тотчас заметила, что ее столь многочисленные, частью явно злобящиеся, частью для вида только примирившиеся неприятели воспользуются этим случаем для возбуждения несогласия и холодности между императрицею и королевою, зная, что ее императорское величество, славы достойная и неизреченными великими качествами одаренная монархиня (не так, как они с презрением всякого страха божия договоры, обязательства, клятвы, ручательства и все то, что только святым в обществе человеческом назваться может, ногами попирашь привыкли), как христианская богобоязливая государыня и достойная дочь и наследница Петра Великого и Екатерины, по окончании победоносной финляндской войны весьма легко могла бы припомнить ту великую дружбу, которую государь-родитель ее имел с римским императором Леопольдом, и то торжественное обязательство, которое в 1726 году императрица Екатерина дала за себя и за своих наследников относительно австрийского наследства и своим святым императорским словом утвердила; зная все это, неприятели опасались, что императрица великодушно будет защищать королеву венгерскую, отдающуюся в ее руки и препорученную императрицею Екатериною своим наследникам. Моя все милостивейшая государыня отнюдь не стыдится признать, что она связана законами тех земель, которыми владеет, следовательно, не может поступать так, как другие самодержцы. Несмотря на то, королева из высокого почитания к ее императорскому величеству, узнав, что саксонское посредничество не принято, сколько возможно время и предписанные законами формальности сократила и обвиненного после предварительного долговременного ареста велела посадить в замок Грац,

где обыкновенно содержатся государственные арестанты, а время заключения предоставила определить прославленной в свете милости ее императорского величества".

29 августа Розенберг объявил канцлеру, что королева прислала его затем, что она, не имея никакой надежды, кроме ее императорского величества, совершенно предает в ее волю и руки себя и благополучие своего дома. И после этого объявления канцлер и вице-канцлер старались избегать свидания с Розенбергом и отклонять под разными предлогами его просьбы о скорейшем ответе на его промеморию и о допущении его на аудиенцию к императрице. Так прошло два месяца; только 22 октября Елисавета подписала проект объявления Розенбергу, где говорилось, что для полного удовлетворения необходимо правительству королевы оговориться насчет сделанных им печатных заявлений по делу Ботты, которых содержание далеко не согласно с заявлениями его, Розенберга, ибо в них дело показывается ничтожным и Ботта оправдывается. Розенберг с радостью согласился на это условие и подал декларацию, что "означенные заявления сочинены не для какого-либо хотя малейшего предосуждения русского двору, еще менее высочайшей персоне ее величества, но явились вследствие необходимости опровергнуть неприятельские разглашения и вследствие незнания тогда всех обстоятельств дела, и потому теперь, когда королева почитает преступление маркиза Ботты мерзостным и проклятия достойным, эти заявления сами собою совершенно недействительными, уничтоженными и всегдашнему забвению преданными признаваемы быть имеют. В доказательство справедливости всего вышеупомянутого я именем ее величества накрепчайшим образом обнадеживаю, что всемилостивейшая моя государыня циркулярный рескрипт в точной силе сей декларации ко всем своим министрам послать и немедленно в печать издать повелеть изволит. В сущее уверение того я, уполномоченный королевин посол, сию декларацию за собственноручным моим подписанием и природною графскою печатью дал. Москва 23 октября (3 ноября) 1744. Филипп Иосиф Орсини граф Розенберг".

Когда после того Розенберг попытался внушить Бестужеву и Воронцову, что преступление Шетарди едва ли не превосходит преступление Ботты, то получил ответ, что преступление Ботты несравненно сильнее: преступление Шетарди состояло только в том, что он домогался низвергнуть министерство и подкупить некоторых особ; а Ботта действовал против императрицы: возмущения произыскивал и людей злонамеренных поощрял в их предприятиях; и хотя ее величество нынешнею декларациею королевы изволит быть довольна, однако была бы еще довольнее, если б такая декларация была сделана за три четверти года назад. Розенберг получил аудиенцию у императрицы и в ответ на свою речь выслушал объявление, что императрица "вследствие присланного королевою нарочного посольства и декларации, сделанной послом, предает дело Ботты совершенному забвению и, не желая упомянутому Ботте

никакого отмщения и зла, освобождение его оставляет на благоусмотрение королевы".

Самое трудное дело наконец уладилось. Легче стало делать внушения о необходимости помочь венгерской королеве против прусского короля; усилилась надежда, что от Брюммера, Лестока и Мардефельда можно отделаться, как отделались от Шетарди. Могущественным средством для успешной борьбы против них оставалось по-прежнему прочтение их заграничной переписки, и Бестужев 1 сентября писал Воронцову: "Хотя я желал и ваше сиятельство ее императорского величества всемилостивейшее соизволение исходатайствовать изволили, чтоб министерских писем более не просматривать, то, однако ж, я запотребно нахожу при нынешних обстоятельствах за баронами Мардефельдом и Нейгаузом посматривать, яко они (особливо же последний, как из приложенного перевода с его письма, наипаче же что в цифрах написано, которым искусством господина Гольдбаха ключ имеется, пространнее усмотрите) часто провираются". Вскрыта и прочтена была следующая депеша Нейгауза от 13 июля: "Вчера по окончании куртага принцесса Цербстская вручила мне письмо к вашему императорскому величеству, прибавив, что она не только как имперская вассалка всякую должную венерацию к высочайшей вашей особе, но и своею собственною персоною врожденную ее дому особенную покорность и венерацию имеет, к чему она и свою дочь, которая с своим будущим супругом и без того к тому склонна, с прочими окружающими людьми ревностнейше будет привлекать".

Мардефельд также сильно *провирался*, относительно принцессы Цербстской, ее дочери и будущего зятя. От 14 сентября он писал в Берлин: "Я должен отдать справедливость принцессе Цербстской, что она истинно радеет интересам королевским. Она сильно желает возвратиться в Германию, но я не вижу, чтоб она с благопристойностью могла оставить Россию прежде брака ее дочери". Поход Фридриха II в Богемию был удачен - он взял Прагу. Поздравляя короля с этим торжеством, Мардефельд писал ему: "Великий князь мне сказал: я сердечно поздравляю". Молодая великая княжна многократно повторяла: "Слава богу!" Принцесса-мать не могла найти довольно сильных выражений для своей радости; другие многие меня также поздравляли; но число тех, которые от этого морщатся, превосходит". В конце октября Мардефельд писал: "Тому около 15 дней, как принцесса Цербстская меня просила, чтоб я помешал приезду сюда ее супруга, ибо ей хорошо известно, что императрица ему Курляндии не даст. Я отвечал, что уверен в желании вашего величества видеть принца герцогом Курляндским, тем более что вы не имеете видов на это княжество для своего дома, но что я вижу два больших затруднения: первое, императрица всем заинтересованным державам рекомендовала принца Гомбургского; второе, что она не захочет потерять получаемые оттуда доходы".

Елисавета не хотела отдать Курляндию принцу Цербстскому; назначала ее принцу Гомбургскому или Голштинскому; Бестужеву все эти претенденты были одинаково неприятны; и он стоял за старого своего благодетеля - Бирона, который по-прежнему жил в Ярославле в почетной ссылке. В декабре писал он Бестужеву: "Узнав, что ваше сиятельство оставляете Москву, не мог я преминуть, чтоб не уверить вас в вечном моем почтении, пожелать счастливого пути и поблагодарить за любовь, расположение и сожаление, вами ко мне показанные, - господь бог да будет вам воздателем! Не погневайтесь, что я в своей долговременной и жестокой бедности постоянно надеюсь на ваше испытанное усердие. Боже, ты видишь сердце мое! И если бы я знал, что в моем намерении и действии было какое-нибудь зло, за которое и осужден на бедствие, то готов был бы страдать; но сначала и до сих пор не знаю за собою никакого преступления, кроме того, что со всяким честно я поступал; богу известно, что я и вы вместе с моими братьями были жертвою свирепых людей. Нам поставлено было в вину, что ты нынешнюю самодержицу и великого князя на престол возвести хотели, и за то я в ссылку послан. Что же я сделал и в чем состоит мое преступление? Ее имп. величество есть сама милость и щедрота, однако я уже три года бедствую. Ваше сиятельство меня 26 лет во всяких обстоятельствах знаете: у кого я что похитил, кто мною обижен? Все, что имелось у меня движимого, из рук самодержицы получил; Курляндию не обманом и не хитростью добыл, но божьим провидением и по милости короля, который имел право мне ее пожаловать; Россия же не способствовала мне в этом ни единым словом ни у короля, ни в королевстве и ни малейшего иждивения не употребила. Теперь я нахожусь с семейством в таких обстоятельствах, что насущный хлеб свой со слезами вкушаю и моя герцогиня часто и на человека похожа не бывает, и почти на всем своем теле опухоль имеет; я также подвержен припадкам, которые мучительнее самой горькой смерти, семейство мое страшно бедствует, так что не было бы удивительно, если б я в отчаянии сам на себя наложил руки; из дому выйти мы не можем, потому что не в чем, так что почти живые гнием; видим при себе постоянный караул, так что через порог не можем переступить без караульных. Куда ж мне бежать и для чего? Ваше сиятельство, покажите милость, исходатайствуйте, чтоб меня отсюда отправили в Нарву". Елисавета, узнав о болезни Бирона, послала в Ярославль доктора Шмидта. Благодаря за это, Бирон писал императрице: "При виде, как дети мои проводят время без всякого обучения, забывая и то, что знали, я так сильно сокрушаюсь, что и камни могли бы умилосердиться. Если бы бог дал им такое счастье пожертвовать жизнью на службе вашего величества и вашей империи, я бы с радостью их на это посвятил! Всемиловитейшая государыня императрица! Услышь наконец моление, воздыхание и рыдание наше. Никогда б я не дерзнул просьбу мою к стопам вашим повергнуть, если б я знал за собою какое-нибудь преступление; но призываю бога во свидетели, что во всех случаях поступал я честно и верно; да и будучи в пропасти, я не преклонился ни на

какие угрозы и обещания и не нарушил своих обязанностей к вашему величеству".